

ПЛАНКА АБСОЛЮТА

Сергей Супремов

16+

Сергей Супремов
Планка абсолютa

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Супремов С.

Планка абсолюта / С. Супремов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Роман очень метко определяет ценности жизни и ту планку абсолюта, к которой человек, если он понимает умом и сердцем свое предназначение на земле, должен стремиться всю свою жизнь. Используя богатую художественную образность, автор повествует о пути героя через джунгли Семизонья к красоте Сада, который скрыт внутри каждого из нас. В оформлении обложки использована фотография из личного архива автора.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	21
Глава 8	22
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	26
Глава 12	27
Глава 13	30
Глава 14	33
Глава 15	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

– Когда буду тебя спрашивать, что ты видишь, называй только то, на чем держится твой глаз, уяснил?

– Да, папа, понял. Я и в прошлый раз тебе говорил...

– Не нервничай, легче... теперь целься!

Я натягивал тетиву и наводил мушку. Восьмая мишень, семь остальных пройдены, и, конечно, росло беспокойство. Ладони вспотели, пальцы неприятно скрипели по тетиве, и все оттого, что осталось каких-то три мишени. Будь их семь или пять, такого страха не было бы, но ведь восьмая, и промазать будет так обидно!

– Что ты видишь? – разогнал тревожные мысли голос отца.

– Мишень, кончик стрелы вижу... – помешкав, я добавил: – Палец свой вижу.

Отец ничего не ответил, а я выстрелил и – промазал. Так досадно, что не описать, а он мне снова:

– Целься, не хнычь! Перечислишь только то, что видишь... только, что видишь...

Девятая мишень уже дрожала, или это рука так, но мне не удавалось вернуть настрой, пригодный для хорошей стрельбы, к тому же, ныло предплечье – вероятно, от подтянутой накануне тетивы.

– Что видишь? – снова внезапно одернул меня голос отца.

– Мишень вижу, еще рука дрожать начала, гуляет наводка... еще неровная траектория, ветер мешает. – Я отпустил правую руку и сфокусировал взгляд на девятке – на этот раз я попал. Но былого трепета, радости уже не было. Оставалась самая ответственная, квалификационная мишень, и все прошлые достижения померкли перед этой целью.

Отец положил руку на мое левое запястье и силой опустил мой лук. Он стал призывать меня настроиться, перестать нервничать, поскольку это не последняя в моей жизни мишень. Папа долго говорил о вере, я должен верить, что попаду, верить в себя. Неважно, сколько будет промахов, вера в себя не должна пропадать, потому что проигрывает тот, кто сдался, а не тот, кто делает много ошибок. Я не понимал, что он говорит, и он догадывался, что до меня с трудом доходят его слова, и тогда он переиначивал и рассказывал то же самое, но в других выражениях. Одно я запомнил даже очень хорошо.

– Ты сомневаешься, что попадешь. Признайся!

– Да, боязно, осталась последняя цель.

– Видишь, ты уже проиграл – еще не выстрелив, промазал. Так нельзя, кто тебя так учил, я не учил сомневаться в себе. Целиться – учил, не смотреть по сторонам – учил, а сомневаться – нет. Кто тогда тебя надоумил?!

Я ответил, что не знаю, это само происходит, и я не виноват. На это папа строго возразил, что виной всему мое нежелание дружить с покоем.

– Ты зыркаешь по сторонам, волнуешься, видят или не видят тебя другие, и разбазаришь все свое равновесие. Когда покой теряется, тебя захватывают сомнения: «Ой, последняя мишень, предпоследняя мишень, я смогу, я не смогу». Кто же так делает?! Мать твоя тоже волновалась, что расскажут о ней на работе, что глупой посчитают, не поверят, если она скажет правду. Но она же не учила тебя стрелять, учу я! Покой ушел – пришли сомнения, а появились сомнения – возникли тревоги, и твой настрой, прицел на победу – все это порушено. Скажи, ты понимаешь, о чем я говорю?

Я закивал головой, но повторить за ним не смог бы. Поупражнявшись в красноречии, отец стал по новой заставлять меня целиться, крепко сцеплять пальцы, держать спину и равномерно дышать – все то, что я уже слышал сотни раз. На каждом этапе он произносил: гони сомнения, не нарушай уравновешенность, а потом еще и еще раз повторял эти слова, пока,

в конце концов, правая рука не прекратила слушаться и не стала бесконтрольно дрожать. Но вместо конца занятий отец разрешил полчаса отдохнуть и снова принялся пилить своей мудростью.

Сколько прошло времени, сейчас не вспомнить, только к концу дня он спросил, когда я одеревеневшими руками держал лук:

– А сейчас что ты видишь?

Из-за его гипнотических фраз типа «долгой сомнения» и «держи внутренний баланс» я мало что видел и мало чем интересовался.

– Говори, что видишь.

– Цель.

– Что еще?

– Цель только...

– Хорошо, хорошо, может еще что-то?

– Цель... – мне уже ничего не было видно, кроме крохотной черной дырки в двадцати метрах от меня.

– Стреляй!

Я попал. Потом попал еще раз и еще, но почему-то от этого не ликовал, а продолжал целиться и попадать. Я не видел ничего, кроме цели, и, по мнению папы, именно поэтому не мазал.

– Никогда не сомневайся в себе, никогда! – после этих слов он отпустил меня в дом, а за ужином добавил: – Брось неверие в себя, тогда ни пацаны, ни занудные взрослые, ни царь, ни Бог не будут тебя донимать, и ты всегда на безопасной стороне; а стоит засомневаться, глядишь – тут как тут пожаловали несчастья: и царь тебя не любит, и Бог не жалует, и пацаны придираются.

Глава 2

Реле пряталось от меня и не находилось ни под одним кожухом, а до сумерек оставалось не больше двух часов. Было понятно, что ночь пройдет в зоне «D» и надо обязательно измотать себя какой-нибудь работой. Я никак не мог придумать, что же сделать, чтобы истощиться физически или умственно, – наверное, зона так влияла, что ни одно решение не задерживалось в голове дольше нескольких минут.

Я принялся бессмысленно стучать монтировкой по трубке, которая казалась мне главным контуром. Бил больше от отчаяния, нежели в попытке устать.

«Ну, что я делаю? – думал я, – ведь это глупость». Но я все равно, как упрямый ребенок, стучал по каналу, начиная подозревать, что он заполнен газом, а не пустой, как мне казалось сначала.

«Идиот, ведь газ может быть ядовитым или воспламеняющимся... В джунглях есть такие смеси, которые реагируют на изменение температуры в 40–50 градусов по Фаренгейту. Надо, по меньшей мере, надеть очки». Но из-за бестолкового исступления я не отдавал себе отчета в том, что делают руки.

«Бряк-бряк-бряк», – с тонким присвистом звякала железка о железку. Давно мне не было так мучительно беспокойно, как в тот первый день в зоне «D». Как только я представлял себе, что прекращаю стучать и наступает тишина, мне делалось неуютно и страшно, и я увиливал обратно в бездумный барабанный бой и проклинал себя за потерю самоконтроля.

– Сейчас стемнеет! – предупредил голос из динамика на высокой ветке дерева, приятный и даже дружеский баритон. Динамики попадались в разных частях джунглей и вещали для тех обитателей, которые могли услышать, и теперешнее послание касалось меня.

Сумерки наступили даже раньше обычных девяти вечера. Причем, если вглядываться в узкие фрагменты неба над головой, казалось, что оно уже черное, но стоило перевести взгляд на тени трубок-деревьев – и будто бы становилось намного светлее. Природа и сама не знала, заканчивать ли день или подождать.

– Приходится думать, – прогудел динамик, – настал ли час или не настал, заканчивать мне свет и сумрак приглашать...

Похоже это было на чтение отрывков радиоромана, случайно выхваченных, однако в резонансе с моими мыслями. Но это наблюдение не оторвало меня от бесполезного стука. Будто пробираясь сквозь толстую стену, в мой ум стала просачиваться мысль: надо найти полость, место, где можно переночевать. День в джунглях – сплошная безысходность; какой же станет ночь? Время, когда все усиливается, принимает необыкновенные формы, удивительные даже для смелой фантазии.

Полостью могла оказаться любая отработанная трубка, которых в периферийных областях было предостаточно.

– Не призывай сон – если сна не будет, то зачем? – донесся до меня тот же баритон.

– Тогда мне надо уйти отсюда, – заупрямился я, – с минуты на минуту наступит ночь, и... я должен спать. Не соглашусь ночевать снаружи. Вдруг звери, пауки, кобры?

Ответа не последовало. Какой он негодяй, этот динамик!

– Ты почему не представишься? – заговорил я. – Вы заодно с охранником...

В рупоре что-то крякнуло.

– ...Или ты сам охранник? Вот додумались... голосом стеречь! Экономия...

От отчаяния я что есть сил треснул по чертовой трубке, и пальцы ощутили неслабую отдачу. Я скривился от боли. Когда больно, я не засну. Есть еще плюс: стук не подпустит ни одно животное, это проверено.

Как капризный ребенок, я колошматил по бездушному железу – не то от злости, не то от ненависти. Потом пришла и безысходность, и я побил за нее. Моя монотонная чеканка была единственным постоянством в волнах разных настроений, накрывающих мое сознание. Говоря словами моего друга Мая, это была моя медитация, пронзающая изменчивость непостоянного мира. Зыбкую и, вместе с тем, монолитную в своем противостоянии высокой реальности. Я вспомнил про сад...

– Нарушителю достанутся не лавры, но лишь порицания, – заключил динамик назидательным тоном.

Я поджал ноги, чтобы сиделось поудобнее, и шрапнелью ударов стал расстреливать недовольство оппонента и неумолимые сумерки.

Глава 3

Ночь – самое оживленное время для всех областей необъятных джунглей. Повсюду материализуется мысль, рожденная жизненной силой зеленой стихии. Боковым зрением я видел тени животных, хищников и других несуразных существ, больше диковинных, чем страшных. Фауна джунглей в этой зоне не отличалась большим разнообразием.

– Порой поставить свою истину под вопрос – достойный поступок. Зачем считать неизбывным свое прошлое убеждение? – спрашивал динамик у всех обитателей. Но кто его понимал, и кто, кроме меня, мог ответить?

Вместо слов я послал бравурный марш монтировкой по призрачному дулу машины сомнений, текущих, как мне казалось, по этой трубе. Звери насторожились, и я, повысив голос, спросил, когда еще в эти края захаживал отважный барабанщик? Трепещите, презрите себя...

И в этот самый момент на меня накинулся прозрачный зверь сомнения, единственный, кто не убоился моей канонады.

Его бросок я ощутил, когда внезапно стал брюзжать про себя, какую бессмыслицу я творю этой ночью и что нет кретина, равного мне по глупости и непоследовательности. Если бы мне довелось увидеть, как это безумие творит кто-то другой, я бы его запресизрал и даже оскорбил бы. Но тут я имел дело со своей головой, своими руками и с собственным рассудком – всеми теми, кто одобрял и исполнял эти несуразные удары. Поэтому ненавидеть я стал сам себя и не вспомню, чтобы прежде так неистово себя проклинал. Тут еще этот громкоговоритель:

«Когда птица в сердце начинает петь свои песни, мысли и сомнения не позволяют сердцу слушать. Берегись, этот вор хочет украсть подлинное золото сознания!»

В ночных джунглях, в зоне «D», мне стало понятным, что сомнения в конце концов порождают ненависть к себе, а если ненавидишь себя, все остальные тоже кажутся противными.

Через час зверь сомнения внушил, что уже поздняя ночь и я страшно устал, пора прекратить бестолковое занятие и прилечь прямо здесь, возле труб. Но, коварный, он бы первым набросился и сожрал меня.

«А ну, не унывать! Буду стучать и бить», – заговорил я вслух. Слипались глаза, и отнимались предплечья, от ударов звенело в ушах, к тому же отдача от каждого удара неприятно отзывалась во всем теле. Мне нужны были новые силы, и дать их мог только сон. И тут случилось неожиданное.

Будто лунный свет, с небес нисходило свечение. Мертвые железные трубки, причудливые животные, сама атмосфера – все, казалось, ждало необычного свечения и радовалось ему. Это явление удивляло своей приветливостью, – так запросто мерцающая кашица проникала через непролазные сплетения верхних ярусов джунглей, ласкала листья и траву, касалась моей кожи. Я, как умел, попытался раскрепоститься и впустить этот мягкий свет.

– Ты не похож ни на что в этой чаше! Говорить ты случайно не умеешь? – спросил я. – Ну, раз не можешь, так и скажи!

Мираж не обманул моего доверия. Минут пятнадцать-двадцать свет по-настоящему кормил клетки тела. Как мать кормит маленького: сунет ложечку в ротик и ждет, когда дитя проглотит. Потом еще ложечку. Но стоило напрячься или допустить хоть одно сомнение, как свет тотчас начинал обтекать тело, не проникая внутрь.

В голове всплыли слова Мая: «В тех краях (он рассказывал о Семизонье) человек может наблюдать одно из редких явлений – дождь светлячков. Необыкновенное явление нам, трусам, недоступно, поскольку происходит ночью. В вертепе кошмара светлячки – редкие посланники добра». Я стал догадываться, что это та энергия, которую дает космос, чтобы накормить людей во время их сна. Здесь, в «D», я смог ее увидеть, если слово «увидеть» подходит для описания.

Тем временем прозрачный зверь сомнения мешкал недолго:

«Может, я увидел свечение только из-за стука? Сумасшедшие всегда хвастаются необычными видениями в моменты припадков безумия. Прекрати я стучать, и никакого света не будет! Эти блики и галлюцинации вызваны моим сумасшедшим барабаном, вот и все... Наверное, это так! – стал подчиняться я, – сейчас остановлюсь, и наваждение уйдет. Дай-ка проверю это свечение!»

Мысль обрела силу и замедлила удары. Очень скоро я почувствовал, как крепнет хватка призрачного зверя. Боковым зрением я заметил, что остальные обитатели зоны «D» стали настороженно поворачивать ко мне морды.

Наверное, это бывает со всеми – некое безотчетное состояние, дрогнувшая бдительность, когда искушаешь себя: посмотрю, что будет, интересно, хоть и немного опасно. Ну, так вот поглядим!

В детстве я много лет поднимался и спускался на лифте и всегда видел кнопку аварийной остановки. Мать прожужжала мне все уши, говоря, что нажимать ее нельзя. Но где там – все время ездить и так ни разу не испробовать? Нажал-таки! Всю ночь провел в застрявшем лифте, боясь звать на помощь и получить нагоняй. Сейчас могло случиться кое-что похуже; зверь сомнения грубо напирал:

«Разве не большее сумасшествие – стучать в ночном лесу по железке, лишая покоя себя, невинных зверей, а потом еще и весь следующий день бороться со сном?!»

И, о Боже, как трудно стало ударить в следующий раз! Навалилась адская усталость. В моем размеренном бое если и не было смысла, то хоть присутствовала направленность, витальное упорство. Теперь же пришли безысходность и усталость, бороться с которыми невозможно.

– А как замерзают во вьюгу, о-о-о, – разбудил меня динамик, – тускнеет надежда, и ты баюкаешь себя мыслью, что все равно уже замерз до костей, – так не лучше ли перестать двигаться, все тщетно? Выхода нет, на сотни миль сплошная ледяная пурга...

Баритон стих, будто чувствуя себя виноватым в том, что разбудил.

Вокруг меня непролазные джунгли, довольно тепло, около 90–100 по Фаренгейту. Но если разобраться, то чем мой тупик отличается от леденеющего странника, оставившего надежду?

«Бряк!» – меня вывела из ступора вздрогнувшая кисть. Уже не контролируя движения, я уронил занесенную назад руку. Эта случайность невероятно помогла. Что было сил я поднял кулак с зажатой монтировкой и принялся колотить, будто пытаюсь убить незримого зверя сомнения. Окружающее стало принимать привычные черты. Обитатели этого странного места занялись своими нехитрыми делами, будто не замечая моего грохота. Я же вслух выругался на себя и зарекся останавливаться, покуда во мне есть жизнь.

Глава 4

Ночь тянулась и тянулась. Я стучал, лязгал, порою бессильно ронял руку. В один момент я поймал синхронный ритм:

«Тук, друк, ... тук, друк...» – удары сердца резонировали с боем монтировкой. Появились силы даже что-то напевать себе под нос. Животные, насколько я мог судить, представляли угрозу ровно настолько, насколько я ими интересовался. Меня все подталкивало разглядеть их морды, силуэты тел. И тогда животным также становился интересен я. Они смело приближались, и я должен был усиливать удары и внутренне заставлять себя думать о другом. Сила всей той ночи была запрятана в моих собственных способностях, равно как и в неспособностях.

Способность – это не сдаваться, колотить проклятую трубку. Я снова вспомнил про воду, которая точит камень, ведь что-то да выйдет. Неспособность выразалась в отсутствии навыка контролировать мышление – и зачем мне было думать о дурацких зверях?

«Почему нельзя обращать на них внимания? Они такие диковинные – где еще ты таких встречал?» – звучал во мне монотонный голос сомнения. И моя неспособность – то, что я слушал этот голос и начинал ему верить, хотя и знал: ничего полезного для меня он не нашепчет. Почему я слушал этого неотступного советника?

Ведь это он, наверняка он раздвоил здесь все трубки. Нашептал им, что поворачивать надо влево, через минуту – вправо, вот бедные и запутались, стали расти надвое. В этой зоне голос зверя сомнения – это повелитель. Голос фоновый, бесполезный, но заявляющий, что он столь же важен, как и здравый смысл...

Я стал нащупывать важный вывод, но тут заметил, что звери стали расходиться, скрываясь за раздвоенными стволами. Сквозь густые заросли стал пробиваться утренний свет. О, какая это была радость!

– Утренняя пробежка укрепляет мышцы ног и позитивно влияет на иммунитет. Кости приобретают эластичность и менее склонны к иссыханию, – начал баритоном динамик. – Рекомендуют...»

«...Рекомендуют поспать!» – закончил я. Убедился, что опять один, и для верности несколько раз громко стукнул по трубе, а затем поднял лицо кверху и свалился на злополучный железный ствол абсолютно без сил, заметив, что место, куда я бил, было теплым, даже горячим. Мое сознание провалилось в сон, как тяжелый камень, который с размаху бросили в глубокие воды. Но, кажется, уже минут через десять этот бульжник кто-то потянул наверх. Я открыл глаза от внезапного шелчка, будто прямо возле уха сломали толстый сук.

– Замолчи ты со своим гудением! – крикнул я динамику. Но вокруг было тихо. Никого. Подобные пробуждения были не новостью, а скорее свидетельством того, что кто-то рядом, а я сплю на чужой территории. Я открутил нижний колпачок электрофонарика, вынул свиток и сделал в нем запись, как давно намеревался это делать, но часто забывал:

«Джунгли, если кто там еще не был...»

Меня послали заваривать трубу, и в ней нашелся клад. Его можно использовать, чтобы выбраться из джунглей. О том, что выхода отсюда нет, без конца говорят радикальные хранители этих мест. Но ходят слухи, что отважные выбирались.

Позже охранники пустили другой слух: что из зеленого омота хоть и есть ворота, только выход из них не освобождает от джунглей, поэтому рано или поздно все равно возвращаешься назад. К охранникам тут так привыкаешь, их манеры въедаются так глубоко, что начинаешь мыслить их понятиями.

В ранние годы я пытался решить головоломку из двух искривленных палочек, зацепленных друг за друга. Надо расцепить палочки, и сделать это можно, отказавшись от попыток дойти до разгадки умом. Крутишь железные стерженьки и так и сяк, обозлишься, дергаешь за

концы, пробуешь разорвать силой, все нервы измотаешь – никакого толку. Но стоит успокоиться, как решение сразу тут как тут.

Из скурых пояснений охранника выходило, что сам он тайной не владеет, но слышал, что подлинный побег из джунглей выглядит так же, как мой случай с палочками, и ворота здесь не при чем. Проблема только в том, что такой необходимый покой приходит редко.

Сразу закончив писать, я мгновенно уснул, и меня разбудили, как мне показалось, через десять минут. Будил охранник:

– Почему спишь в рабочее время?!

Не своим от усталости голосом я выдавил: «Вы всех работников поморите, если ночлега не будет. Хоть полчаса…»

– Мне повторить? Обычно ясно с первого раза! – не унимался тип.

Понимая, что пререкания бесполезны, я сгреб свои кости, кожу, мышцы – все, из чего состоял, – и на шатающихся ногах направил эту кучу вглубь зоны «D».

Глава 5

Второй и третий день походили друг на друга, если не считать, что добавился еще больший дефицит сна. Я уже знал, как правильно устраиваться на ночлег, чтобы не нарываться на животных. Но от зверя сомнения спасения еще не придумано. Он, гнусный, говорил мне прямо в мозг, и, несмотря на усталость, я по три-четыре часа не мог уснуть. Он будто раскачивал меня, не давая застыть на той мысли, после которой погружаешься в дрему.

В один из дней я услышал из динамика:

«...После сорока они нередко страдают бессонницей. Причина в возросших жизненных противоречиях. Порой, как говорят исследования, несбывшиеся желания, к которым человек испытывал усиленное стремление...»

– Мне тридцать четыре, приятель, – крикнул я. – Ты меня рано списываешь. Лучше бы колыбельную спел, глядишь, я и перескочу «несбывшиеся желания» да закемарю пораньше...

Избитая мною в первую ночь трубка оказалась контуром, вернее сказать, она стала контуром после того случая. Она, металлическая, тоже сомневалась, да решила потом пойти навстречу. Растения, предметы, разнообразные твари в «D» быстро меняли функции, как только я концентрировался на них или приступал к работе. Мало-помалу дело двигалось, и даже охранник стал замечать изменения. Я после этого сподвигся сделать о нем запись в своем свитке:

Надзиратель

«Охрана – это производное самих джунглей, такое же, как ростки или вьющиеся лианы, из которых соткан непроходимый зеленый занавес. Я удивлялся, как охранники могут быть продажными, нарушать свои обязанности и, по сути, идти против самих себя – ведь они часть джунглей. Скоро в себе самом я распознал изъян – такую же слабость, как предательство охранниками своей природы.»

Типичный, самый распространенный охранник по форме повторяет человека, с небольшими видимыми отличиями в теле. Май говорит, что надзиратель серый и внутри его облоочки постоянно движется дым снизу вверх вдоль позвоночного столба. Я не могу так сказать и вижу его как человека. Физиономию он может принимать каждый раз новую, но это редко. Обычно он похож на одного очень знакомого мне человека, очень знакомого... Охранник появляется из серых туманных облаков, которыми окутаны джунгли. В часы, когда светит солнце и облака становятся вялыми, можно вытворять пакости, поскольку охранник не настолько активен и может знать о нарушениях, но не реагировать сразу.

Будь его воля, он непременно отменил бы солнце, но без солнца какая жизнь? Здесь все умрет. На грани уничтожения джунгли оказывались несколько раз, если быть точным – каждый год. Хранители, спятив, начинали замыкать облака несколькими кольцами, так что делалось темно. Даже обычная ночь в джунглях отнюдь не романтическое времяпрепровождение. Темнота таит в себе только опасности. Логика природы: заключенные в нее спонтанность и гармония ночью прекращают свою игру, и с наступлением сумерек в силу вступает хаос».

– Ты проникаешься атмосферой этого участка? – внезапно заговорил цербер. – Может, тебе мало еды, которую я приношу?

– Еды, может, и вправду мало, вот только не думаю, что со мной что-то происходит. Неужели я похудел? – удивился я.

– Хватит дурачиться! Завтра примешь антидот, и следи за речью, у тебя через слово сомнения. Будь мужчиной! – взбудрил страж.

– Может, оружие поможет? Кабы мне пистолет, наверное, всех хищников пострелял бы, – не унимался я.

– Может, этим оружием лучше поправить тебе мозги?! В этом будет больше проку. Ну же, заканчивай быстрее, на эту зону тебе не больше недели. Я все сказал! – строго отрезал охранник и исчез.

– Он сказал «на эту», правда? – не поверил я. – Честной Господь, ведь верно, в каждом предложении вопрос... или нет? Может, врет он все, эксплуататор? Должно быть, в еду что-то сыплет, чтобы я запутался?

Внутри же ныла досада, оттого что предупреждение охранника было правдой. Надо следить за собой, а это вдвойне трудно, когда работа монотонная. После обнаружения контура мои действия походили на работу дворника – каждый день одно и то же. После пятого дня я совсем раскис и заперезживал, смогу ли дожить и не сдохнуть среди раздвоенных стволов.

– Не сдавайся, тесни врагов и верь: сколько бы их ни пришло, внутри ты всегда сильнее, – пробасил динамик и вдруг, впервые за все время, запел:

*«Никогда не буду я падать в ночь небытия,
А-а-а-а, а-а-а-а,
И своим сомнениям я ни мгновенья не отдам.
Верю, что победит
Тот, кто отдает
И через жизнь смело идет.
О-о-о-о, О-о-о-о!»*

Баритон пел очень музыкально, и я заслушался, а после этого воодушевился в свитке сделать запись о своем друге:

Мой лучший друг Май

«Май – парень той же специальности, то есть ремонтник. Он говорил про ночь в начале, как только мы познакомились: «Неподдающиеся никакому закону явления ночи могут гипнотически захватить все внимание. В следующий миг могут свергнуть в кошмар до клеточного страха, когда тело сотрясается в полном бессилии, в параличе, который оставляет единственную возможность – идти глубже в ужас, прочь из человеческого сознания».

Май поучал меня, что чем человек счастливее, тем надежнее застрахован от кошмаров ночи. Поэтому, говорил он, будь счастлив, даже если несчастен, в судьбе есть подвох, который мог бы стоить жизни, но он не случился. Поэтому будь счастлив... Май – гений!

Я думал, говорить о счастье в джунглях может или гений, или круглый идиот. Работа нудная, но забирает все время, а потом сумерки. Надо непременно уснуть и не просыпаться до рассвета. Если не устанешь, на засыпание может уйти час или больше, и тогда вини себя сам. Бывало, лежишь в трубке – отработанной полости – и защищен, кажется, со всех сторон, но кошмар норовит разыграть исключительно для тебя – такой мини-спектакль.

«Надо добыть жидкость, которая действует, как снотворное, – говорил Май. – Ее в джунглях в изобилии. Обычно какие-то области джунглей спят, лучше сказать – леньятся. Вот ты – студент; вспомни, если надо решить задачку или просчитать ходы, думать порой не хочется – есть такое? Лень нападает, и просто не желаешь напрягать голову, хотя мог бы. А шевельнешь извилиной – вот все и получится. Но лень думать, у тебя так бывает?»

Я улыбался и кивал головой: конечно, бывает. Наверное, у всех так!

«Похожее твердолобие можно наблюдать в зонах джунглей, которые, по всем понятиям, должны активно работать. Ты чинил там что-нибудь?» – задавал он мне вопрос, и я отвечал, что, может быть, V-сектор.

«V» – еще функциональная область. Ты «D» и «I» не видел. Скоро пошлют, будешь там пыль стирать! Заразиться пара пустяков: пыль ядовитая, и первый признак инфекции – вялость. Ленъ – это вполне осязаемая пыль из «D» и «I». Придумывай работу потяжелей, респиратор на лицо, и вычищай пыль – чем больше, тем лучше. Потому что, если не устанешь, а забьешься на ночь в полость, тебе кранты. Тьма творит безумные фокусы, а ты бессилен, и твой свет не тянет даже на блеск светлячка».

Сам он схитрил и убрался оттуда до наступления часа тьмы, сославшись на то, что заразился пылью. Охрана не любит всяких заражений, болезней и любых последующих предложений отлынивания от работы на следующий день. Поэтому Маю удалось слинять из зоны и провести ночь в тени охраны: на дурное дурное не липнет, как пошутил он потом».

Глава 6

Зона «Джей» в сравнении с обычными, не разгороженными джунглями была местом беспорядочным. Многометровые деревья здесь словно состязались одно с другим. Они непрерывно меняли высоту, стараясь обязательно возвыситься над соседями. Когда обгон удался, я наблюдал интересное, невиданное прежде явление. Лианы, опутавшие только что подростое дерево, начинали плотно обхватывать ствол и тянули выскочку назад. Лианы старались не просто вернуть ствол к прежней высоте, но сделать даже ниже и, будь их воля, вообще загнали бы под землю.

Динамик, так помогавший в прежней зоне своими песнями и высказываниями, здесь сменил голос на женский – противный и визгливый:

– Столько раз было говорено: зачем нужны кудри? Без них волос прямой и не вызывающий. Но мы все туда же! Кокетством и фасонами себе славу не сделаешь, вот попробуй добейся имени умом и трудом!

Такая тирада была непривычна для уха, и я сразу представил себе громкоговоритель в виде электрического колпака для сушки волос в парикмахерской, а из него раздается разговор немолодых дам, по косточкам разбирающих общую подругу.

Дух соперничества приводил в зону «Джей» животных из других областей – это было видно по окрасу их шкур. Меня удивило, что я могу понимать обезьян: то ли они через отбор пришли к способности говорить, то ли я сам так деградировал, что стал подобен зверю.

– Отступай, уходи! – слышал я от обезьян. Они кидали в меня ветки и несъедобные плоды с деревьев, а я орал обезумевшим макакам, которые принимались почем зря бить друг друга:

– Бестолочи, за что же вы своих лупите! Бога у вас нет!

Обезьяны прекратили драку и насторожились, услышав о Боге, и я сообразил, что для них Бог – это что-то похожее на обезьяну, только больших размеров.

– Думаешь, мы боимся Бога? – прочитал я в глазах старого павиана. – Нет и еще раз нет, мы Ему завидуем черной завистью. Ему под силу прыгать между далекими деревьями, забирать лучшую еду и к тому же держать в узде всех обезьян!

Мохнатый старик стал указывать на что-то в правой стороне, куда шла возвышенность, а потом сложил ладони домиком.

– Что, Бог живет на горе? – изумленно воскликнул я и вспомнил из инструкции, что эта часть джунглей лежит вокруг горы Джелоси Маунтейн.

– В той стороне? Старик, это туда идти к Богу?

На мои слова примат растопырил в стороны длинные ручищи и указал одной на запад, другой на восток.

– Безмозглый! – разозлился я, видя, как большие массы обезьян задвигались на верхушках и принялись наступать друг на друга с запада и с востока. На это было невыносимо смотреть, и я отвернулся. Взглянув под ноги, я увидел свои валяющиеся на земле инструменты. Среди них уже недоставало парочки.

– У-у-у, черти, растащили! – вырвалось наружу мое испорченное настроение. Ведь с самого начала все не заладилось, неуютно было в этом месте. Тут поодаль я увидел охранника и даже повеселел, что вижу хоть какое-то знакомое существо. Буквально накануне я почтил его новой записью в свитке и, видя его, припомнил свое повествование:

Еще раз охрана

«Если человека с улицы расспросить, как он понимает заключенного и охранника, он бы ответил: угнетенные и эксплуататоры. Положим, человек, которого вы спрашиваете, подко-

ван в правоведении, тогда он добавит, что заключенные могут быть вполне виновны и сидят в заточении поделом, а охранники исполняют долг. Известен факт, что охранников можно подкупить. Встречаются также охранники правильные, не коррумпированные. Надзиратели джунглей не поддаются под эту характеристику; они проекция, плод самих джунглей и не идут в ногу с представлением о безопасности, долге, защите прав и подобными гуманными идеями. У этих есть оружие, и оно всегда верное, безотказное и приспособленное исключительно для тебя. Сегодня я задумываю одолеть зону «D», но в самом этом замысле уже обнаруживается противодействие. Главное, я, конечно, боюсь эту самую «D», про нее столько сказано, и кто только не пугал. Где-то внутри я хочу ее перебороть, встать над ней, победить ко всем чертям! Но как страшно: что меня ждет в том краю?

– Май, что именно в зоне «D», скажи все, что знаешь, все! – умоляю я. Он слушает мой вопрос, но слышит вот что: парень решил проверить, зачем ему? Он славный мальчик и специалист, но зачем спрашивает? Заметили? Наверное, нет, но я знаю, что эта мысль Май – это охранник. И, пока вы не окажетесь в джунглях, в такое трудно поверить: как мой охранник вдруг оказывается в голове у славного малого, у товарища, кому одному только и можно верить? Может, мое повествование как-то прояснит суть этого надзора – неустанного, вездесущего и одновременно лживого и продажного. Так же и в самом человеке уживаются противоположные реальности, которые на первый взгляд противостоят одна другой.

Так вот, внешне Май ответит что-то вроде: не бойся, заберешься в полость, и будет все равно, что в «D», что в «J». Душа-человек Май не станет страдать, скажет что нужно. Можно выудить только, что в «D» все, к чему прикасаешься, источает сомнение, и поймайте это как хотите.

– Май, что значит сомнение? Я чиню трубы. Как отразится мое ремесло на починке, если трубы во мне сомневаются?

– Ты правда хочешь видеть? Пойди да посмотри. Трогай трубки свои... может, они не захотят, чтобы ты их трогал? – лукаво глядя на меня, спрашивает Май, и я вижу, что охрана в виде... да, в виде сомнения уже усмотрела мое любопытство.

Мне хочется думать, что я могу свободно болтать на любые темы, а нет! Вот он – стоит, голубчик, видит меня и не пускает. Где стоит – да в друге моем, в Мае!

Такую штуку трудно понять с первого раза. Могу с другого конца; всегда полезно в здешних краях понимать, где другой край проблемы, и цепляться за него. Иду к стукачу, Трону, и жалуясь: «Замучили сомнения. Только к «D» приближаюсь, так схватывает робость, почему? Объясни, Трон, зачем туда ходить? Ты ведь там был, скажи, может, не надо?»

– Не трусь, – говорит доносчик Трон, – ты что же, одичал, стал ерунды бояться? Это все пустота – сомневаешься, расстраиваешься, что не можешь решить, что правда, что нет. Пока ты в центральной «V», все определено: вперед и с песней, ни на кого не смотри, жми под себя. И тебя, тепленького, в «D». Ты студент, по трубам специалист, а там много трубочек – каждая раздваивается, и нет ни одной, которая сплошная от начала до конца, все вилочки с двумя острями. Кончики тоже растут да дwoятся и троются. Что же страшного, джунгли и только?!»

Стукач, а еще учит не бояться. Ведь Трон первый донесет, что я интересовался. Я студент, но соображаю, что он тоже правильный смычок и играет свою ритмическую постукивающую мелодию, и порой даже на пользу.

Через два дня меня засылают в зону «V».

– Страшно, студент, что, узнавая эти принципы, ты можешь легко стать похожим на охранников. Можешь превратиться в одного из них, – негодовал Май после того, как я раскрыл ему разговор с Троном, – ведь искусство сторожей в том, чтобы извлечь из тебя пользу и постепенно...

– Почему замолчал?! Сколько раз мы подходили к этому «потом»! Я не мальши, чтобы не понять, что не буду всю вечность ремонтировать трубы...

– Тебе же охрана сообщала, что бывает со всеми обслуживающими джунгли? Или ты им не веришь? – с наигранной наивностью спрашивал Май.

Когда Май говорит, это будто еще больше округляет его лицо, обрамленное кучерявой прической. Выглядит так, словно он каждый день делает химическую завивку или спит на бигудях. Но это неправда! Я видел, что он спит как младенец. В одной полости мы провели не одну ночь. Он медитирует, чтобы спать как убитый. Что-то повторяет вначале и затем замедляет дыхание почти до нуля. Глядишь, через три минуты сваливается, как подстреленный солдат, и так до утра. Сколько я ни пытался, как он, все не могу усмирить голову. Мыслью, словно набравшие силу охранники, одна за другой приходят и теребят меня, и вместо того чтобы успокоиться и завалиться на бок, я прихожу к следующей невероятной идее, которая... да, всегда является мыслью о побеге из джунглей.

Вот здесь, в промежутке между навязчивой идеей о бегстве и дремотой, я вижу узкую полоску света. Потом засытаю, и прокляни меня все подряд вплоть до маленького мизинца, если накануне я перебрал с жидкостями и вдруг захожу ночью в туалет. Буду терпеть и стараться спать даже с мыслью о беспокойном пузыре, который просит опустошиться.

Только друг, думаю я, мучаясь в полусне, может сказать, что я превращаюсь в охранника. Вот какой ласковый у меня приятель, а мне подделом! Перехитрить охрану – высокое искусство. Это понятно сейчас, в этом я нахожу подтверждения ежедневно, и только убежденность, что я не достиг мастерства обращения со стражами, предохраняет меня от подкупа. Почему-то я знаю, что от этого не будет большого толку, даже если вначале все пройдет без сучка и задоринки».

– Дай мне какое-нибудь оружие, того и гляди голову снесут! – взмолился я.

– Оружие в джунглях не нужно, – кратко рапортовал страж, – здесь заповедная зона «Джелоси Маунтейн».

Ответ про оружие я слышал не в первый раз, но никогда не мог согласиться с таким легкомысленным утверждением, но настаивать было глупо, и, чтобы сменить тему, я спросил, как побраться к загадочному «Маунтейн».

– В инструкциях все есть. Особое предупреждение: быть чрезвычайно аккуратным на подходах к горе и особенно близ вершины. Там обитает божество, и строго запрещено подходить к храму ближе, чем на 500 ярдов, понятно?!

– В чем тогда мое задание, ассенизация храма? – ляпнул я то, что хорошо было придерживаться за зубами.

За излишнюю болтовню я получил два удара округлыми шишками откуда-то сверху. Было понятно, что охранник, воздействуя на бестолковых обезьян, таким образом объяснил все мне. Но одновременно я увидел, что свора хвостатых безобразников насторожилась. Им было небезразлично, что я отправлюсь на этот «Маунтейн», и в меня полетела еще одна шишка.

– Боже мой, подумать только, вы завидуете! – воскликнул я.

– Чур-р-р-банчик, – кричащим голосом произнесла макака, висевшая вниз головой. Ее морда напоминала воспитательницу моего детского сада. Что может быть общего между обезьяной и теткой из далекого детства, не пойму?!

– Чур-рбанчик, чур-рбанчик... – понеслось по джунглям. Макаки и павианы противно и с остервенением гоготали и выкрикивали мое новое имя. Тем временем охранник исчез, и до меня дошло, что хулиганов ничто не сдерживает.

– Ой, больно, негодяи! Вот я вас всех сейчас! – я припустил куда глаза глядят, укрываясь от шишек и жестких плодов, летевших со всех сторон.

Убежище обнаружилось под двумя полусгнившими деревьями. Их стволы образовывали шалаш, и ветхая хижина могла спасти от атаки с воздуха.

Я же отчего-то стал негодовать, и вот по какому поводу. В свое время я все неправильно понял про джнана-йогу, про тех людей, что уходят в горы для обретения себя. Откуда-то я знал, что, попав в эти самые горы, новоиспеченные йоги очень скоро отчаиваются. Мне, как и им, хотелось изведать джунгли, все представлялось таким чарующим: дух приключений, умопомрачительные внутренние открытия. Но, оказавшись здесь, я трясусь за свою жизнь, делаю рутинную работу, а теперь еще спасаюсь от примитивных обезьян.

Пока я был недосыгаем для оголтелой толпы, меня не покидала мысль: чем же та крикливая макака так удалась в воспитательницу Норму? Ко мне вернулась мысль о толстухе-наставнице из моего детства. Ее звали Нормой, и за ней водилась одна досадная слабость: прямо-таки до мозга костей тетка была дико завистливой. Со взрослыми Норма не могла ужиться из-за своего дрянного характера и, не получая уважения, пошла отыгрываться на детях. Ведь ни одного плюшевого зайца она не пропускала! Все мягкие игрушки она держала у себя в подсобке, и все потому, что не могла вынести, как маленькие дети радуются и смеются, играя с куклами и медведями.

Я решился поманить эту макаку, поскольку что-то от ее характера жило и во мне.

– Норма, Норма, сюда! Смотри, смотри, чего дам! – я вытащил заслоночный ключ с хромированным набалдашником.

Хвостатая Норма была тут как тут, но, опасаясь придвинуться ближе, стала раскачиваться на ветке и каркать:

– Чур-р-рбанчик, чур-р-рбанчик! Ха-ха, ха-ха!

Макака дразнила и одновременно сгорала от любопытства.

– Норма, ты не изменилась! Хотя ошибаюсь: сбросила вес. Посмотрел бы я, как ты скачешь по веткам с такими отложениями, как раньше!

Мне хотелось установить связь хоть с кем-то, чтобы разузнать об этом месте побольше.

– Давай тебе вот эту блестящую головку отдам, а?! Бери!

Я отвинтил наконечник и подкинул в воздух. Макака с налету схватила штучку и припустила в джунгли. Тотчас же равновесие вокруг поколебалось, и тучи приматов ринулись вглубь зарослей отбирать блестящую безделушку.

«Попала Норма! – забеспокоился я. – Только бы не убили воспитательницу, ведь эти запросто! Из-за какой-то болванки разорвут, а потом побалуются блестящей штучкой и выбросят, а Нормы уже нет».

– Эй вы, я Бога вашего покажу, Бо-га! Слы-ши-те? Давай все сюда, длиннорукие. Все!

Но что им показывать, я не знал. Вдобавок день угасал, и проблема ночлега не терпела отлагательств. Однако отступать было поздно. Сделав невероятный зигзаг по зеленым трущобам, гикающая толпа рванулась в мою сторону, а недавняя деталь моего инструмента теперь поблескивала где-то в высоте, то исчезая, то выныривая. Поток обезьян наращивал скорость и направлялся к моему укрытию.

«Они разорвут из-за пустяка!» – мною овладело отчаяние. Я понял, что конечности одеревенели и я плохо справляюсь с собой. Под скрюченными ногами я нащупал полированную окружность болванки, по-видимому, оставленную кем-то до меня. Я намертво вцепился в нее побелевшими пальцами.

– Если мне здесь погибнуть, то хоть бы не даром, – выговорил моими губами неузнаваемый голос, – пусть одну, да уложу!

Я вяло и с большим оттягом замахнулся и пустил железяку в ближайшую морду – и промазал. Со свистом фунт металла пролетел дальше, проделывая туннель в куче безумных приматов. Мне на счастье, какой-то глупец из обезьяньей орды, повинувшись инстинкту, схватил

тяжелый диск. Застыв на несколько секунд, недотепа сообразил ситуацию в свою сторону и что было сил стал удирать обратно в трущобы.

– Вот идиот, – с ликованием выкрикнул я тем же неузнаваемым голосом, открывшимся у меня в этой переделке.

Тут перед глазами мелькнула морда Нормы, и я был бы не я, если бы упустил такой момент. Изловчившись, я прыгнул, схватил ее за хвост и тут же получил больнящий укус в руку, но хватки не ослабил, а только вцепился крепче руками в ее змееподобный хвост.

Никогда не читал и не слышал, что хвост у макаки такой сильный. Вероятно, у завистливой макаки он мощный втрое. Норма подбросила меня над землей, и пришел бы мне конец, не держись я мертвой хваткой. Она зависла на высокой лиане, и я, падая вниз, застыл в пяти дюймах от земли. Взглянув наверх, я, помимо «воспитательницы», заметил, что наступила ночь и надо срочно придумывать спасение.

– Через минуту-другую сюда придут твои сумасшедшие сородичи, – крикнул я наверх, – меня они пожалеют, я могу показать им всякие фокусы, а тебе конец! Давай отсюда, быстрее!

Норма что есть духу припустила по лианам, ветвям, стволам прочь от этого места и, казалось, мой вес ее нисколько не тяготит. Но чего натерпелся я – банка, привязанная пацанами к хвосту обезумевшей кошки. Только ленивая ветка не ударяла меня в бок, и как все же ненавидело меня это местечко! Что я им сделал, этим сумбурным деревьям, плотоядным лианам и неугомонным обитателям сектора «Джей»?

– А ну, давай, забирайся повыше, а то я тресну от крепких приветствий деревьев, – застонал я в сторону перевозчика Нормы и добавил:

– Строго в сторону Джелоси Маунтейн. Слышишь?!

Свет полностью исчез, и над просторами зоны стали носиться завывания зверюг. Ночь входила в свои права.

Глава 7

В мою сторону извергались чьи-то нечленораздельные проклятия, а иное дерево, если ему не удавалось огреть спереди, старалось побольнее хлестнуть по спине. Краешком глаза я видел, как сразу за шлепком лианы в три силы принимались затаскивать моего обидчика вниз.

– Туда его, под землю – подбадривал я, глупо считая лианы более гуманными созданиями.

– А ну, отстань, я на тебя пожалуюсь вашему главному... – в следующую минуту посылал я угрозу протянувшейся ко мне лиане, – чего прицепилась?!

Норма несла меня, невзирая на темноту и подчиняясь инстинктам. Я молился, чтобы только не спуститься на землю, там творилось невиданное.

Год назад Май говорил:

«Земля в «Джей» встает шипами, как исполинский еж. Бездушной почве становится завидно, что всякий топчет ее, как ему заблагорассудится, и, лишь только опускается ночь, земля берет свое».

Глупые макаки, которые бросились за нами в погоню, порой не удерживались на лиане, и та зловеще растягивалась до земли. Там бедняжку поджидал острый шип в три фута длиной. Происходил «шмяк», и... лучше не смотреть. Пару раз мне, как грузу в бреющем полете, приходилось увертываться от шипа, подставив сумку с металлическим инструментом. Но по пяткам я получил все припасенные для меня колючие сувениры.

Мы приближались к горе, и Норма сбавила скорость. Я взглянул наверх, в темноту, где блестели глаза макаки:

– Это и есть Джелоси Маунтейн?

«Воспитательница» отрицательно покачала головой. Она решительно не хотела говорить по-людски, хотя все прекрасно понимала, и не она ли давеча дразнилась «чурбачком»?

На холме земля не скручивалась в пики, не было заметно ни змей, ни пауков. Что меня всегда удивляло, так это некоторые участки в джунглях, очень напоминавшие природу, какой я помнил ее с детства, – лес, лужок или зелененький скверик. В джунглях редко попадались островки мира и покоя. Май говорил, что когда-то, в неизвестную пору, на заре творения этих мест, все вокруг было цветущим садом: прекрасным, невообразимо изысканным – таким, что увидишь и никогда никуда не захочешь уходить. «Могут тащить волоком, а тебе не хочется покидать дивный сад. Но потом, через сотни лет, природа медленно стала меняться...»

– Что, и...? – спрашивал я и видел, что Май не знает, как продолжить, и все, что он скажет, будет догадкой. – Твои рассказы, Май, как их ни назови, самое светлое, самое-самое прекрасное, что можно почувствовать в этом чуждом мире. Я ведь не умею так мечтать, поэтому скажи!

Но не дослушивал его одинаковые, давно придуманные рассказы и встречал:

– Как можно утверждать, что это место близко душе каждого человека? Этакая зеленая пропасть без дна и края, сплошь в сорных деревьях и зловонных порослях, а ты утверждаешь, что эти джунгли близки каждому?

– Недотепа, – грустно улыбался Май, – твой вопрос такой человеческий, рожденный теплом и уютом. Завтра или через день... ты узнаешь или вспомнишь, это как придется. Сейчас поверь в сказку, доказать и подтвердить я ничем не сумею, просто поверь!

Глава 8

Обезьяна прервала воспоминания:

– Где Бог, покаж-ж-жи! – мне показалось, что я услышал от нее такой вопрос, и растерялся от подобного требования. Глупая, она полагала, что Бог – это предмет, который достают из кармана, приобретают или меняют. Что же, я готов был показать ей один новый прибор – спиннинговый окуляр для наблюдения тонких полостей. На ободах он имел зеркальные отражатели и при поворотах поблескивал.

– Чур-р-рбачек! Бог-г-г-а... – не стала дожидаться моего обмана макака.

– Он у меня внутри, – не растерялся я и указал на грудь, – вот здесь!

Примат соорудил злобную гримасу, в которой одновременно читались неверие и зависть, что у меня может быть вещь, значимая и ценная, а у обезьяны это отсутствует.

– Нет, правда, это твой Бог живет на «Джелоси Маунтейн», а мой проживает здесь, внутри меня. Этим люди отличаются от животных.

В последнем утверждении я был неуверен, но вырвались слова машинально. Я хотел продолжить проповедь, но над головой раздался треск, и на макушку упали опилки и кусочки расколотой древесины. Это буйствовала ночь. Она царила над всем, включая наш укромный островок; здесь было опасно. В темноте велась борьба, и, слава Богу, я пока не был участником сражений. Отовсюду неслись хрусты и трески. Видимо, деревья предприняли новую попытку доказать свое превосходство над лианами. Обыкновенно ночью только темно, но предметы не покидают своих мест, подсвети их – и непременно распознаешь знакомую форму. Тут, в лианах и связках невероятных стволов, ночь искривляет форму, меняет ее свойства. Сравнимо это с проснувшейся фантазией скорбного головой художника, который в приступе помешательства перекраивает весь пейзаж по образу своего буйного миража. Причем художник выделяет контрасты, усиливает, сгущает противоположные тона, создает трение, борьбу. Из своего двухлетнего опыта пребывания в джунглях я понял, что территория «Джей» – номер один по части разнuzданности выдумки.

– Тебе снятся сны, Норма? – услышал я свой вопрос, который даже не успел обдумать, ведь как-никак, а спрашиваю обезьяну.

По макаке было видно, что она боится происходящего не меньше моего, и спасибо ей, поскольку местечко, где мы остановились, такое одно. Шаг в сторону – и угодишь под падающий сук или закрутит лианой под землю. И почему охранник не оставил оружия? Боится... да, боится, трус, иначе почему бы еще?..

– Где Бог... – читал я в глазах Нормы, – он должен помогать!

– Так он и помогает! Не спит, все видит, иначе давно нас с тобой опилками бы засыпало, – начал я улавливать тон, в котором стоило разговаривать с «воспитательницей».

Та обеими руками схватилась за голову, прижалась к моим ногам и разжалобила меня.

– Постарайся уснуть, я подежурю.

Часто моргая, макака сделала вид, что закрывает глаза, но при любом треске широко распахивала веки, и все повторялось по новой. Ей важно было даже не спать, а просто не видеть кошмара ночи. Но я бы вздремнул, и пусть все вокруг хлопает себе на здоровье.

Глава 9

Всегда удивляет, как все-таки удается пережить ночь. Столько раз накатывает желание уснуть, отключиться, махнуть на все рукой и поддаться усталости. Но внутри сидит «жучок» и срабатывает слышной только мне сиреной в тот самый момент, когда я начинаю дремать. Вокруг меня необузданная фантазия «Джей» принимала формы, создавала существа и видения.

Я сам видел, как возникали призрачные деревья – буквально выстреливали в бездну лишенного звезд небосвода. Не проходило и секунды, как налетали птицы и ломали ветви этих гигантов. Дятлы-фантомы принимались выдалбливать отверстия в стволах с тем только, чтобы подкосить дерево, урезать его высоту. Остроклювые дятлы вызвали зависть у мелких пичуг, и те начинали кружить над крылатыми дровосеками, отвлекать, щипаться и слать обидные выкрики.

С наступлением утра все наваждения рассеялись, и я мог хоть немного поспать до появления охранника. Но как поспишь с обезьяной под боком, ведь убежит. «Воспитательница» выглядела сонной, однако макаки еще те притворщицы. Поразмыслив, я выдумал крепкую сцепку из своих инструментов и накинул Норме на шею. Та встрепенулась, быстро ожила и прыгнула вверх. Я взмыл следом за нею и через секунду шлепнулся на прежнее место. Тогда я пристегнулся к ближайшему дереву, хотя ствол и сопротивлялся моим карабинам. Древесный массив, по глупости или чтобы отомстить, втянул мою цепочку внутрь себя, сделав нас таким образом неразрывными.

– Тебе жалко?! От тебя не убудет. Я ведь тебе не завидую, и тебе до меня нет дела – подержались друг за друга и разбежались! Идет?

– Крях, крях, – дерево соображало, по-видимому, раздумывая, не соперник ли я ему, а мне было все равно, потому что я дремал на ходу. Но, как и раньше, через каких-то десять минут страж разбудил меня, наделав много синяков на пятках.

– Ничего не понимаю, – скулил я, – куда мы с макакой попали? Всю ночь меня полоскали по макушкам деревьев и бросили здесь. Где мы?

– Две мили от предгорья Джелоси Маунтейн. Вставай и иди!

– Что там за Бог?

– Тебе к нему не надо. Проверь гидравлику вокруг храма и все, задание закончено!

– Небось, опять на неделю работы?! Тут все так запущено. Вообще, гидравлика не сегодня-завтра посыплется ко всем чертям...

– Полегче с эмоциями. Не трать, они пригодятся. Все! Вперед!

Необыкновенно плодотворный диалог с охранником. Эти типы слова лишнего не скажут. Пока я негодовал, мой «тип» растворился за деревьями.

– Ну что, Норма, поскакали дальше? Бога проведем...

– Не ври, – казалось, я слышал и видел от нее упрек: дескать, тебе не разрешено туда ходить!

– Но тебе ведь никто не запрещает?! Ты мелкая, незаметная...

Я нашелся, чем парировать макаке, потому как с ней можно хитростью на хитрость. Подобные «приемчики» прилипли ко мне в этой завидующей части джунглей. Прежде не замечал за собой, что увлекаюсь упреками или желанием принизить собеседника.

– Вперед, – скомандовал я, но обезьяна не пошевелилась.

– Шевели ногами. Тебе приказали! Слу-ша-йся!

Преданности от обезьянки я не дождался и побрел в одиночестве, досадуя. И на кой она мне сдалась, мелочь пузатая?! Воображает о себе незнамо что. Ах, опять! Умственное злословие – это вирус, который проник в меня в «Джей». И кто бы им в здешних краях не

заразился?! Повсюду, куда ни кинь взгляд, – разбухшие стволы или скрученные в узел кусты. Эти местные обитатели только и смотрят друг на друга, только и стараются подмять под себя соседа, брата и недруга, а все для того, чтобы на минуту побыть королем, тем самым Богом:

– Эй, – мой голос загремел по джунглям, – я хорошо знаю вашего Бога. Это тот, кто всех вас заткнул за пояс!

Мне в ответ донесся гул и скрежет. Должно быть, я прав! Разве смогли бы обитатели зоны хоть кого-то уважать, не будь он наделен способностью всем беспрекословно доказать свое величие, причем не однажды, а раз за разом, непрерывно? Мои догадки неожиданно подтвердил громкоговоритель:

– У личности, имеющей глаза, – рассказывал неприятный фальцет, – непременно возникнет интерес сравнить себя с остальными. В результате такого сравнения вы дадите себе оценку: либо вы превосходите других по качествам и умениям, либо вы хуже других. Заурядная личность, единица общего числа, понимая, что недостойна и слаба, часто испытывает упадок духа, депрессию и презрение к своей жизни. Возвышающаяся над всеми личность понимает, как устроены униженность и превосходство. Кто на практике знаком с этими понятиями, может отрешиться и стать неуязвимым как для позора, так и для хвалы. Еще одна способность знающего: он управляет законом, который заставляет других завидовать и, как следствие, желать зла объекту зависти...

От удивления я присвистнул – умные люди тут поработали. Управлять законом, который заставляет всех в округе стогать от презрения к сородичам, – это придумано лихо! Тут поработал этакий сатана, никакой не Бог. Должно быть, на «Джелоси Маунтейн» обитает это чудовище в теле или в духе, и, конечно, для местного зоопарка оно выглядит как Бог. Повелит Норме ненавидеть меня, презирать за каждый шаг – и та будет лезть из кожи вон, только бы мне досадить. Но какая от такой политики польза Богу?

Глава 10

Началось предгорье Джелоси Маунтейн. Глаз замечал чьи-то недобрые взгляды, и пару раз мне показалось, что я вижу знакомые черты. Это за мной следила Норма. Подъем делался круче, и, наконец, между деревьями я заметил резкий подъем. Начиналась гора.

«Сколько, он говорил? – полезли мучительные воспоминания. – Кажется, ярдов пятьсот от храма, но туда ведь так не долезть? Ох, был бы я Нормой». Я стукнул ладонью по лбу – вот, приехали, я уже начинал завидовать обезьяне! И она была тут как тут – кривлялась, чавкала губами, показывала язык, и с ней можно было только тем же оружием. С разворота я показал ей язык и прогундосил:

– Бр-р-р, др-р-р, шмяк!

Ловко так получилось, с чувством.

Реакция последовала незамедлительно – Норма приблизилась, начала неприятно скалиться и кидать в меня всякий мусор.

Я огрызнулся более убедительно:

– Тр-р-р, бяк, тр-р-р, бяк!

И откуда только я находил нужные слова? Норма начала цеплять мою кепку, которая крепилась к подбородку шнурком, как я догадался, специально против таких идиотских выходов. Я наконец изловчился и схватил плутовку за хвост.

Макака взвилась вверх на самый высокий сук и стала смотреть мимо меня, разглядывая что-то внизу. Ясно, что она хотела прыгнуть как можно ниже, чтобы я разбился о землю. Сегодня мы ни от кого не убегали, поэтому моя жизнь для нее ничего не стоила.

– Болевая точка у нее на кончике хвоста, – донесся до меня чей-то страстный шепот. Невидимка явно хотел отомстить Норме.

– Жми же! – кипела чья-то ненависть. Я нажал, и все стало так, мне этого хотелось.

Глава 11

Дренаж отыскался быстро, проблем с фиксацией гидравлики не возникло, но замешательство в уме не заставило себя ждать, как только я принялся размышлять о большой обезьяне, приписывая ей качества, которых в помине нет у меня, но у владыки «Джелоси Маунтейн» должны были быть в изобилии. Я думал о его безмятежности, величии и справедливости.

Справа мелькнула Норма, и я нарочито громко выкрикнул ее имя задом наперед: Ам-рон, Ам-рон! Обезьяна притихла. Она шпионила за мной и пыталась найти возможность отомстить.

– Вот ищу выход, – заявил я, желая удерживать макаку рядом, – только ворота так спрячаны, что, пока не обойду все земли злосчастных джунглей...

Я отводил душу, говоря макаке сложные вещи и ставя Норму вровень с собой.

– Чурбачок, го-го-го! – вот то небольшое, что Норма могла сказать в ответ на мое откровение. Когда в разговоре я обращался к деревьям, Норма начинала завидовать, и это толкало ее подбираться ближе ко мне. Улучив момент, она кидала несъедобный банан или ветку и собиралась с мужеством, чтобы меня укусить. Тут с разворота я заехал ей ключом по зубам, не рассчитывая даже, что попаду. Подбитое животное с криками бросилось прочь, но через десять минут я снова лицезрел ее оскаленную пасть. Она висела на хвосте, и от этого перевернутая гримаса выглядела слишком странной. Нутром я чувствовал, что тварь она паршивая, но как-то не уходила она из мыслей, все крутилась рядом, и можно даже сказать, что мы стали коллегами на этой презренной земле. Я крутил головой, когда не слышал ее дразнилок или не видел ехидного оскала.

К концу дня я признался себе, что завидую. Непознанный пар или носящаяся в воздухе инфекция заставляли меня, человека, завидовать примату. Доделав проточку никому не нужного патрубка, я сделал признание, став лицом к дереву:

– Раз эта обезьяна так мне безразлична, раз я хочу ее видеть и при этом всякий раз подчеркивать человеческое превосходство, что это значит? Лонда, Лонда, разве не так я относился к тебе – ты нужна была мне только для того, чтобы чувствовать, что я тебя превосхожу, да! Ни красотой, ни умом ты не была мне равней, Лонда. Но мы прожили вместе месяц, и я понял, что как человек ты прочнее, надежнее меня. Ты не строила из себя идеал, а оставалась собой, что бы ни случилось. Я бесился, оттого что неспособен был разобраться, в чем ты меня обходишь! Мне хотелось быть рядом не из-за любви, не для того, чтобы убежать от одиночества. Я хотел тебя видеть, чтобы нащупать и уничтожить то необъяснимое различие – нюанс, который ставил тебя ступенькой выше. Зачем? Да, я тупо тебе завидовал, и блеск моих знаний мерк перед природой твоей простоты!

Но то бывшая жена; теперь же, абсурд, я завидую... обезьяне. Неужели ты так меня прокляла, чтобы я смотрел красным глазом даже на неразвитых божьих тварей?

Я стоял вплотную к дереву и с досадой колотил ребром ладони по стволу – так горько было признаться, вскрыть рану, которая давно зажила. С какого перепугу вдруг вспомнилась Лонда? Это все кривляние макаки – видно, Норма не только на воспитательницу, но и на «бывшую» чем-то смахивает. Какой бред! В сотый раз я стал шарить глазами, нет ли где поблизости Нормы. Нигде не было. Как же я не догадался: еще минута – и будет темно!

Глава 12

– Норма, Амро-о-н, – позвал я, надеясь разузнать, как проблему ночлега решает макака, она ведь тоже оказалась в незнакомом месте. Но проказница не собиралась спать и все хотела улучшить возможность напакостить.

– Расслабься, – мне пришлось говорить вслух, дабы отогнать приближающийся страх, – я дальше не пойду. Надо устраиваться на ночь, и ведь каждый раз надо придумывать новый способ, ах, ах!

Норма свисала вниз головой и, должно быть, строила гримасы, но из-за темноты я не мог этого разобрать.

– Идея! – вскрикнул я, – повиснуть на ветке, только вдоль, горизонтально. Всю дорогу таскаю за собой эту сумку и никак не соображу, что внутри страховочная система для высотных работ, все время перекалдываю ее с места на место.

Через пятнадцать минут я висел на здоровущем суку, подобно профессиональной макаке. Неожиданно, не в пример остальным дням, с неба стал струиться серебряный свет. Обильно, как во время густого снегопада, просто открывай ладони и лови! Так же, как и снег, небесные хлопья были явлением естественным, некий дождь, который может проникать внутрь. Струи света вымывали усталость, напряжение, суету, пресловутый страх. Под этим мягким ливнем казалось, что джунгли могут быть местом для жизни и даже по-своему красивы. Мне вспомнился Май:

«Вот бы тебе сюда! Зимняя сказка в тропиках – это райское зрелище для заключенных в джунгли». Незаметно я заснул и через час-два был готов двигаться дальше, несмотря на темень. Было ясно, что влияла энергия сильного места, – вершина «Джелоси Маунтейн» была в пределах часа ходьбы. Я все сложил и двинулся вперед. Без оружия, один, Норма где-то коротала ночь. Темное небо озарялось вспышками, будто от молний, слышались раскаты, и тогда по сторонам чудились фигуры людей и зверей. Призрачный человеческий мир был полон сражений из-за ревности, обид, похожим на него был и мир животный, и стоило заострить внимание на призрачном фантоме, как тот начинал замечать и тебя. Еще бы, эти нематериальные фантомы видели телесную форму, конечно, здесь обзавидуешься.

– Я вас не вижу, не вижу и иду дальше!

Мне не хотелось проверять, какой вред могут наделать привидения.

– Говорю тебе абсолютную правду, – я вздрогнул от неожиданного визгливого хрипа динамика, – наш сострадательный Бог предстает перед нами тем, в чем мы поистине нуждаемся.

– Спасибо за напутствие, только зачем пугать?

– По-настоящему тебе нужно что-то одно, и этим самым становится Бог Великой Горы...

Речь, по-видимому, шла о «Джелоси Маунтейн», до вершины которой оставалось совсем немного. Гора взяла резко вверх, и приходилось сперва цепляться руками, подтягиваться, и только затем ноги толкали тело выше.

Я споткнулся и неминуемо покатился бы вниз, если бы не проворная хватка правой руки, – все-таки правая у меня молодец! Мне показалось, я уцепился за корень, но, приблизившись, я смог разглядеть контурную трубу – основной передающий канал зоны «Джей».

Сделав зигзаг, та уходила вверх, и, следуя контуру, я взобрался на вершину, откуда открывался вид на ночные джунгли.

Вначале я не сообразил, что вожденная высота покорила, – настолько меня захватило зрелище внизу. Не только небо, испещренное протуберанцами, но и сами бесконечные заросли то тут, то там вспыхивали белым и бледно-фиолетовым. Готов поклясться: то, что предстало перед моим взором, напоминало... живой организм. С севера на юг с большим изгибом шла

явно выпуклая s-образная полоса, образованная деревьями. Ее повторяла другая и третья. Попроси меня кто-нибудь сравнить увиденное с чем-то знакомым, я назвал бы это наглядным пособием из кабинета биологии, на котором изображена кора головного мозга.

– Чурба-ч-ч-ок! – послышался голос макаки.

Я не удивился тому, что Норма меня догнала, и показал ей пальцем на вспышки огня, похожие на цветомузыку:

– Что за явление такое? Мы пришли... я пришел из тех краев. Там что, стреляют?

Макака стала неистово чесать свою волосатую макушку, а потом свела указательные пальцы обеих рук так, что между ними сверкнул электрический разряд.

Мне сделалось нехорошо. Увиденное означало, что по всему контуру в тех местах, где я шел с проверкой, теперь вспыхивали короткие замыкания. Охранник меня изничтожит!

– Но, минутку, как вспышки возможны сразу в нескольких местах, тут что-то другое...

– Волненья прочь! – динамик заговорил совсем другим голосом, – твоя власть ни при чем!

Такого тона у динамика не было. Я давно люблю радиотехнику и могу разобраться в оттенках звучания стереосистем. То, что я услышал, не было звуком электрического происхождения. Слишком чистый тембр, пришедший ниоткуда, радиоприборы так говорить не могут.

Здесь, на вершине, не было ни Бога, ни короля, вообще никого, кроме нас с Нормой. Я стал разглядывать площадку вокруг. Ничего особенного, хотя специфика проявилась скоро. По неровной окружности были выложены камешки. Окружность меньшего диаметра повторяла первую, затем шла еще одна.

– Царственные особы привыкли отдыхать по ночам, – величественно произнес тот же голос, – часы трудной работы должны сменяться благодатным сном!

– Вон оно как? – меня очень изумило услышанное. Но расспрашивать радиоприбор – дело недостойное, как я уже понял.

Мне стало ясно, что Бога я не увижу. Во мне проснулся гнев, захотелось топтать ногами и всячески выражать неудовольствие. Я задрожал от охватившего меня чувства и даже услышал, как у меня стучат зубы. Возникшая злоба была необъяснимой. Меня взбудоражили не призраки джунглей, не ужасные звери, не Норма – мной овладело некое безотчетное чувство, и следующий день стал казаться непроницаемым, хотя опасности я не видел. Могли напасть звери, но и это предчувствие притуплялось день ото дня. Но чего тогда я боялся, отчего у меня стучали зубы?

Надвательство с Богом не могло разозлить меня так сильно – каким же надо быть, чтобы поверить, что Творец сущего живет в окружении примитивных макак в заброшенных джунглях? Мне не было дела ни до Бога, ни до его подопечных, которые все это время так меня донимали. Оставалось объяснить свое состояние нервным расстройством и недосыпанием.

Когда Норма перестала на меня тарашиться и закрыла глаза, я улегся на теплые камушки, надеясь немного поспать. Я погасил факел, и глаза перестали различать предметы, звуки отдалились, будто кто-то убавил громкость. Беспокойно возилась Норма, то шурша у меня в ногах, то копошась где-то позади головы, во всем остальном царило равновесие и тишина. Усталость и нервное утомление взяли свое, я погрузился в дрему и стал чувствовать, будто с меня спадает тяжесть, но сон не приходил.

Я поймал себя на мысли, что завидую местному Богу, – он-то спит себе, невидимый, и в ус не дует. Я тут два дня шел, не жалея себя, удирал от макак, ночевал как попало. Глупость, конечно, – я его и не видел, и не слышал никогда в жизни, но этому незримому и непознаваемому завидовал. И что за непонятное место?! Как эта инфекция влияет на рассудок: ведь и не нравится, и неудобно с этим чувством, и оно жжет и стрекает, будто крапива. Хочется почесать ожог, но когда почешешь, зуд становится еще сильнее; такова эта гора зависти «Джелоси Маунтейн».

«Ну, куда ты пойдешь, – заверещал во мне старый друг сомнение, – через три часа придет охранник и заставит работать. Ты не спал, ослаб, болен местной заразой... Пстой, у тебя остался найденный клад, может, подкупить эксплуататора да нормально выспаться? Охранник только того и ждет. Хотя не буду...»

Глава 13

Не знаю, как оказался в шалаше из веток, как уснул и когда успел пройти ливень. Выпало много воды, и ручьи были даже на вершине горы. Но сон, сон был таким живым! Мне снился Бог «Джелоси Маунтейн», и, сколько я ни вглядывался в его лицо, все время видел физиономию Нормы.

– Норма?! – спросил я с недоверием.

– Бог Джелоси Маунтейн! – отвечала обезьяна, скалясь в точности, как Норма. – Ты хотел задать вопрос? Спрашивай!

Вместо вопроса я стал разглядывать, есть ли на Боге какая-нибудь одежда. Ничего особенного: немного пухлое тело и непонятный ошейник, или просто белая шерсть вокруг шеи. В остальном никаких отличий от Нормы.

– Я думал... Бог должен выглядеть по-другому. Он должен быть свободным от зависти, – мямлил я неуверенно.

– Бог ничего не должен! – помешало мне запутаться в собственных мыслях божество. Прозвучало это совсем не обидно, но меня стало грызть отчаяние, которое часто бывает в снах: спрашивать у макаки? Да кто она такая, эта завистливая Норма?

– Прости меня, – поклонился я в пояс, – динамик ведь говорил, он точно что-то похожее рассказывал. Я не помню слов: человеку нужно что-то, и Бог великой горы этим и становится. То есть, ты стала, вернее, Бог стал тобой. Я далек от местных поверий, но в моей ситуации не выбирают. Понимаешь... понимаете, сэр, я очутился в джунглях не по своей воле. Мне хотелось только посмотреть на джунгли издали, но я не знал, что попаду в такую зеленую пасть. С расстояния это место кажется таким завораживающим, таким изобильным! Кажется, будто в джунглях возможно все: чего пожелаешь, того и достигаешь! Верно ведь, так оно кажется?

Бог горы молчал и улыбался, я слишком много говорил, а надо было по делу.

– Как мне отсюда выбраться? Умоляю, скажите!

– Джунгли нужно превзойти, это единственный выход.

– Как?

– Способов много, выбирай свой!

– Я не знаю ни одного.

– Неужели? Но ты ведь дошел до этого места! Твой друг Май никогда здесь не был. Все, кто хотят взойти на эту гору, легко могут взойти...

– Что с Маем? Он в порядке?

– Тебя интересует он? Я слышал, ты молился о том, чтобы узнать выход. Пожалуйста, определись!

Голос был мужским, уверенным и походил на то, как звучал громкоговоритель, когда я слышал его в последний раз, особенно эта фраза с забытым мною «волшебным» словом. Сказанное казалось близким не по смыслу, а больше по конструкции, по хребту. Я подумал, что, когда женщинам удастся видеть, как завидуют мужчины, они испытывают шок: мозги у сильной половины изворотливы и умеют ударить наповал. Что я услышал, была завуалированная зависть, спрятанная в противопоставлении друга выходу. Несомненно, это была зависть. Бог «Джелоси Маунтейн» – горы зависти – сейчас ревнует меня к другу. Невообразимо!

– Дistinguished, мне важно найти выход, – я склонил голову так, что увидел свои ботинки.

«...Бог становится тем, что тебе нужно», – проплыло у меня в голове. В месте, где мои ступни касались земли, стал появляться свет и проглянуло голубое небо – вот так, прямо под ногами, небо. Вдали, внизу, виднелась земля, но рассмотреть ее мешал ботинок. Я отодвинул ногу и поразился, что нога ни на чем не стоит. Подо мной светился великолепный сад, и не

было слов описать его красоту! Ноги упрямо стояли на чем-то твердом, так что свалиться в этот рай я не мог. И тут произошел какой-то рывок, и все потемнело.

– Ты куда забрался, а-а-а?!

Я резко поднял глаза, и все зарябило. Потом вдали и много ниже меня, словно в тумане, забрезжил свет, в котором я различил щуплый силуэт. Охранник!

– Куда забрался? В задании написано: «кроме горы». Слезай оттуда немедленно, там смертельный вольтаж! Прибьет тебя, и кто «I» будет чистить? Вниз!

Вершина была некрутой, несколько сот метров, но при спуске с «Джелоси Маунтейн» меня удивили ноги. С самого начала я стал спотыкаться, и не прошло и десяти минут, как трижды я упал, в то время как раньше мог месяц и другой ходить, ни разу не падая. Поначалу я все списывал на корни, дескать, они специально меня изводят, но один эпизод заставил предъявить свои обвинения другому виновнику – правой ногой. С того самого времени, когда я в детстве учился стрельбе из лука, моя левая нога привыкла стоять впереди правой. Многие упражнения по правильной стойке требовали, чтобы упор приходился на левую ногу, а не на правую, и так постепенно моя левая нога стала сильнее соседки. Раньше это сильно помогало при играх, особенно в футбол.

Начинал я движение тоже всегда с левой и уже забыл об этой особенности, когда сектор «Джей» все мне напомнил. Незаметно для меня моя же правая ступня стала путаться под ногами и все норовила криво встать, поскользнуться или удариться о левую. Провоцировало падение нежелание правой ноги разделять поддержку тела – обязанность, возложенную на обе ноги с самого рождения. Когда два шага подряд работала левая, а изменница просто изображала из себя мою правую опору, я наконец терял равновесие и сваливался. После следующей такой выходки я озадачился, а на третий раз уже перестал думать, что все дело в противных корнях, судорогах или недомогании. Чем дальше я шел, тем больше козней учиняла изменница, и я решительно не понимал, как поступать.

– Что тебя не устраивает? – вслух спросил я. – Тебе надоело мне служить, ты устала?

Будь у ноги еще и рот, она должна была ответить на такой суровый вопрос. Но, к счастью, рот на все тело у меня один, и, будь их два, второй бы тоже что-то припомнил. Ответ от ноги я стал ловить в своих ощущениях и вот что поймал. Правая просто капризничала и злорадствовала. Теперь, впервые за много лет, у нее появилась возможность выразить недовольство по поводу своего постоянного второго места, ведь на пьедестал всегда сначала становилась левая. Правой же приходилось постоянно следовать, за ней был всегда второй шаг, роль заднего плана. Она устала волочиться позади и прислуживать сильной левой – такая вот простая и бестолковая ситуация. Попросту говоря, бунт на почве ревности, а я заложник. Быть и без того заключенным и вдобавок становиться заложником – неприятно, нужно было принимать меры. На помощь в усмирении ревнивицы была призвана большая сухая ветка, которую я всунул в правую штанину. Верхним концом ветка торчала из комбинезона, и правой рукой я мог управлять строптивницей, как ходулей. Дело зашпорило, и скоро я приноровился к неудобству ходульной ноги, но только пока к вечеру похожий фокус не выкинула левая рука. Так вот бывает, когда невнимательно изучишь ситуацию, не оценишь тенденций, не учтешь, что, будучи капитаном и сильным рычагом, правая рука вызовет зависть у более слабой левой. Это и случилось!

Только левая рука не стала капризничать и устраивать пакости. Она оказалась не в пример драчливой и сначала применила ногти – стала царапаться. Скоро на запястье, а также на фаланге большого и среднего пальца появились красные ранки. Порезы и ссадины вообще не редкость в работе чистильщика джунглей, но на этот раз получать новые ранки было вдвойне неприятно из-за измены, так сказать, в тылу. Последним выпадом левой руки стала попытка сломать мизинец моей правой, когда обеими руками я снимал с ветки коническую воронку со шлангом. Сначала мизинцы обеих рук просто коснулись друг друга, но скоро я почувствовал бесконтрольное движение среднего, безымянного пальца левой руки против мизинца –

они устроили ему своего рода капкан на излом. Только ощущение резкой боли помогло отдернуть правую кисть, воронка с раствором кислоты выскользнула из рук, и я прожег штанину на правой ноге. Что и говорить, левая нога при этом ликовала и одобрительно подрагивала, будто танцуя вальс-соло. Моему терпению пришел конец. Происходящее нельзя было трактовать иначе, как дезертирство и членовредительство, направленное против меня моими же недавними подчиненными.

Я старался не пускать в голову дерзкие, пугающие мысли о том, какие другие органы могут иметь претензии друг к другу. Мне наконец стало понятно, почему перед сном всегда таким красным и горячим был мизинец на левой ноге. Он, вероятно, годами не мог спокойно спать и ночами горел и мучился от зависти и к большому пальцу, и к руке, я уж не говорю о голове. О родные мои органы, что же это будет, если все начнут требовать реванша?!

Закрыв глаза от неприятного предчувствия, я ощутил холод под ложечкой из-за того, что ни разу за все время, пока учился стрелять из лука, замерять расстояние в дальномере и подсматривать в дверные щели, ни единого раза я не целился, не подглядывал и не мерил... левым глазом.

Охранник все это время молча наблюдал и стоял как оловянный солдат, упершись сцепленными ногами в одну точку.

Запрыгав, как мог, вниз по буграм, я инстинктивно обернулся. На вершине горы восседала обыкновенная Норма, горделиво вздернув морду к небу и ко мне в профиль. Мне показалось, будто на ее плечах, сбившись набок, висела мантия. Из детских фильмов я помнил такую – белая с черными вкраплениями. Но откуда здесь горностаи?

– Ишь ты, воображуля! – проворчал охранник, глядя в ее сторону. Оценки моему возвращению он не дал, но выпендрож обезьяны его явно задел. На охранника, абсолютно индифферентного типа, тоже оказывала влияние зона.

До меня донеслось далекое:

– Чу-р-р-б-а-ч-о-к!

Обезьяна безошибочно определяла мою фигуру с правой ногой-костылем и левой рукой-плеткой.

Глава 14

Не успел я осмотреться в новом месте, как свой характер стали демонстрировать глаза. С ними оказалось все не так просто. Тот, который был по левую сторону от носа, был по жизни типом довольным, ему приходилось меньше напрягаться и реже работать. Левый глаз был доволен своим положением, и, не в пример ногам, его устраивало трудолюбие его правого брата. Но одна деталь не давала ему жить спокойно. Сам я того не помнил, но однажды мой левый глаз, наверное, вместе с правым... другими словами, они оба увидели человека с невероятно глубокими голубыми глазами. Трудяга и послушник, правый глаз сохранил ровное отношение и посчитал, что, хоть и получился от рождения коричневым, зато несет службу, и это будет поважнее романтических голубых очей. Они не способны хорошо трудиться, думал правый, это не в их природе, потому что голубые глаза могут только созерцать, но не творить.

Но обленившийся к тому времени левый глаз воспылал завистью и непременно захотел изменить свой примитивный коричневый цвет на более возвышенный. Ему не было дано права своевольно выбирать цвета или вообще производить какие-либо незапланированные перемены, поэтому ничего другого, как завидовать всем голубым очам на своем пути, ему не оставалось. Позже левый глаз открыл, что ему доступен вот такой трюк: ослабив крохотные мышцы зрачка, он может лучше отражать другие цвета, а особенно его любимый голубой, и таким образом хоть на чуть-чуть приближаться к своему идеалу.

Разгадка того, почему мне так нравились оттенки синего и голубого цвета, оказывается, скрывалась в желании левого глаза видеть и отражать небесные цвета. Поскольку небо в джунглях было почти всегда затянуто облаками или скрывалось за сплетениями высоких ветвей, левый глаз чувствовал себя несчастным и не находил себе другого занятия, как попеременно завидовать то деловому правому брату, то верхним веткам деревьев. Правый глаз был виноват в том, что из-за его усердия левому было нечего делать, и еще в том, что правый был не обременен тяжелыми раздумьями, а работал и работал все время. Веткам романтик завидовал из-за их близости к небу.

– Какой же ты глупец, – недоумевал я, – даже если ветки могут смотреть, они увидят серое небо, се-ро-е! Как ты примитивен, о мой левый глаз; твоя зависть слепа и не соображает, к чему ревнует, – к пустому серому месту, к нулю!

Но и это бы ничего, пока в один момент у левого глаза не возник новый объект обожания. Выставленная на высокую мачту и спрятанная среди деревьев камера слежения не могла не зацепить внимания «пары». Правый принял информацию и передал дальше для анализа, а левый создал новый воздушный замок и увидел в блестящем объективе и бирюзу, и перламутр, думая про себя, каким скучным выглядел бы мир, не умей глаза так по-разному сообщать детали увиденного. Разнообразная палитра цветов и коротких приятных наблюдений всегда была заслугой пары глаз, одинаковых на первый взгляд, но, как оказалось, больших индивидуумов.

С прилежностью окулиста я разбирался в дотоле неизвестных тонкостях мировосприятия, а потом полез в конверт. В задании значилось «среда». Дат в джунглях не водилось, и новый день обозначался только днем недели. Когда я прочел про среду, в середине вторника все мелкие индивидуальности моего существа слились в единой радости: был еще вторник, а значит, каторга начнется завтра! Не разбирая, что написано дальше, я оценил ситуацию и, подыскав дерево потолще, полез на сук.

Местные особенности заявили о себе, когда я привязывался к ветке над головой. Будто живая, ветка стала выскальзывать из рук. Не успела у меня в голове оформиться догадка, как все это дерево, с таким же норовом, как у сука, на котором я сидел, загуляло из стороны в сторону. Я с трудом держался, пока не прекратилось раскачивание. Обхватив ствол на высоте

человеческого роста, я повис, как на канате. Так продолжалось минут двадцать, во время которых сохранялся статус-кво. Делать нечего, местные обитатели приемлют меня только так, как им удобно, поэтому буду жить по законам джунглей! Я обхватил ствол веревкой, зацепил себя и стал похож на коалу, неразрывно соединенную с эвкалиптом. В медвежьей дреме я провисел до позднего вечера.

В новом секторе Семизонья – «I» – я продолжил наблюдения за поведением пары. При встрече с чем-то новым, пара начинала бояться, ее первой реакцией был слабый или сильный страх. Правый наблюдатель, назовем его Витязь, сразу стремился идти в бой. Витязь постоянно считал, что другой человек, зверь или неизвестное явление, придут и нападут на него раньше. Поэтому Витязь не ждал, когда на него нападут, а наносил удар сам. Нередко он проигрывал и, терпя поражение, сдавался сразу же. Когда Витязь был чем-то недоволен или впадал в подозрительность, он старался самую суровую, гнетущую новость передать прямо в ум и делал все, чтобы Командир дал приказ к нападению. Потом Витязь видел, что противник бесконечно сильнее, и смельчак сразу сдавался. Романтику же, левому глазу, требовалось еще меньше времени, чтобы пойти на капитуляцию. Такой вот способ борьбы в секторе «I» избрала себе пара.

В «I» водилась большая змея, питон. Как и в первой территории «D», где я имел дело со зверем сомнения, питон стал для меня соперником в новой области. Ночью мне показалось, что он меня обвивает, и от этого я проснулся. Питона поблизости не оказалось, но вокруг бродили дикие лани, которые меня не видели и ходили совсем близко.

В их позах, движениях, звуках чувствовалась неуверенность: лани не понимали, что шло им на пользу, а что во вред. Такое поведение было бы естественным для детей, которым можно дать камень, а потом золотой слиток, и они не отличили бы, что из двух ценнее. У хрупких животных была та же степень понимания. Они подходили к деревьям, чтобы пожевать кору, а затем шли нюхать питонов и больших ящериц. От хищных пресмыкающихся не приходилось ждать ласки, и лани начинали высоко подпрыгивать и удирать, но – уву-уву – такой урок не шел на пользу, и совсем скоро они повторяли свою оплошность.

В зоне, именуемой «I», царило неуютное чувство, словно здесь на страже была некая господствующая сила, не позволявшая чувствовать себя свободным, принимать решения без оглядки: а не будет ли за это хуже. Пейзаж и обитателей нельзя было назвать самостоятельными, завершенными элементами природы; будто неудачливый прохожий, оказавшись в сырую непогоду на улице, наблюдает зыбкий туман, размытые очертания улиц и деревьев, и такая картина оставляет ощущение чуждое, неприятное, когда и подумать-то о чем-то здоровом и полезном становится трудно. И так до тех пор, пока не доберешься до теплого дома и не увидишь свет. Казус неуверенности, этого сырого, туманного настроения, таков, что, когда жизнь призывает идти вперед, совершать следующий шаг, человеку на пути попадает зона «I» и становится его советчиком. Она шепчет на ухо: а ты сможешь, ведь ты мал и слаб? Питон неуверенности внушает путнику, чтобы тот всегда соизмерял, кто он такой и каковы могучие силы жизни. Эту игру размеров и величин, где путник оказывается щепкой, жертвой обстоятельств, существом, не способным брать ответственность за свою жизнь, этот контраст низшего и все-сильного, питон неуверенности создает, чтобы держать в своей власти любого встречного на своем пути.

Большие глаза ланей будто говорили, что сами животные неповинны в том, что они трусливы, в том, что их гоняют и поедают крокодилы да змеи. Взгляд этих хрупких животных хотел меня убедить, что лани такими рождены и не вольны менять судьбу, это за пределами их сил, и они не смеют перечить местному укладу. По сути, лани признавались в своей глупости, покорности и отсутствии желания что-то менять. В юных особях мужского пола я еще мог разглядеть стремление покорить барьер неуверенности, но лани-девушки имели такой же взгляд, как все старшее безнадежное поколение.

Из своего свитка я вычеркнул запись о своем первом впечатлении, где я восхищался кротостью и смирением этих животных. Куда приведет такая покорность, кроме как к невежеству и страху? Но, замалевав строки, я заколебался и стал сожалеть, что уничтожил свою прежнюю мысль; я, что же, не люблю свои дела и запросто уничтожаю? Так не стоит, нет, не стоит! Но что вносить в свой список дальше, я не знал и застрял – ни вперед, ни назад. Я чувствовал, как неуверенность берет меня в свои объятия и мне не хочется менять и править, без этого спокойнее и нет суеты. Душу страшило незнание того, что же будет потом, и, может статься, все, что у меня сейчас есть, пребудет со мной, а будут ли хорошие записки в моем свитке дальше и встречу ли я что-нибудь стоящее описания? Ничего не понятно, мрак, неизвестность!..

«И где этот вездесущий динамик? Хоть какое-нибудь объяснение», – зашевелилась моя угнетенная мысль. Я висел, привязанный к стволу, да тут еще сумерки: надо ли искать что-то еще, а может, лучше снова заснуть?

– Вставай! – загремело снизу, и я обрадовался: динамик тут как тут!

Но внизу поджидал охранник, его всегда безразличное лицо сейчас выражало недовольство.

– В задании значится среда... – парировал я.

– Спускайся немедленно! – негодовал страж. – Можешь не успеть, даже если начнешь прямо сейчас.

Я выхватил из-за пазухи бумажку и впился глазами в строчки. Боже мой, три гектара с фитингами, крестовыми трубками да еще спецсооружение, которое могло оказаться чем угодно. В первой зоне спецсооружение напоминало железнодорожный вагон с тьмой-тьмушей трубок внутри, но тогда в задании не стояло с ним разбираться, теперь же вот оно.

– Переоценил себя, теперь нагоняй ночами, – злорадствовал охранник.

Я сам избрал эту эпопею постижения джунглей и не должен был роптать, даже теперь, в ситуации провокационной.

– Трубы и спецсооружения – это единственное, что здесь работает, так?! Остальные поросли – все сплошь сорняки? – вслух негодовал я.

– Знай свою работу!

Страж не хотел распространяться на эту тему, и я взбунтовался против такой несправедливости:

– Вы пишете задания моим же почерком, это чтобы никаких претензий. Дескать, я слабоумный, написал, поставил автограф и сам все делаю, хороша ситуация! Пришлите хоть Мая, тут мы вдвоем еле справимся...

– Ты проспал весь день!

– Но я не спал нормально целую вечность. Иначе я стану отключаться днем, и звери меня слопают. Тогда ищите другого сантехника-инженера.

– Май не годится тебе в помощь... некомпетентен.

– Он лучше меня! Пришлите, какая разница... я буду давать задания, а он откручивать гайки.

– Разговоры окончены. Приступай сейчас!

Я понимал, что пройдет не больше получаса, и совсем стемнеет, поэтому догадался спросить:

– Можно начать со спецсооружения? По-видимому, это самый крепкий орешек, перенеси меня...

Страж колебался, и я перевернул задание написанным к нему и ткнул пальцем в прямоугольник, к которому сходились сотни трубок. Даже школьник бы понял, что это самый центральный объект, и это сработало. Вжик – и мы оказались возле вагона наподобие того, что я уже видел. Охранник исчез, и я принялся отыскивать вход.

Технический люк располагался на крыше, и едва я залез, как следом стала проникать ночь, и я буквально отрезал ее, затворив массивную заслонку. Перед тем как исчезнуть в полумраке вагончика, в сгущающейся темноте моя «пара», а точнее, левый романтик зафиксировал тонкий блеск объектива камеры, направленной как раз в мою сторону. Люк захлопнулся, и почти сразу через массивный металл донеслось десятикратно усиленное карканье. За часы, проведенные в «I», вороны неоднократно попадались на глаза, но их время пришло только теперь.

В теплом полумраке спецсооружения я понял, что Высший Разум приложил руку и к сотворению этих мало проницаемых для его света глубин. Свидетельством этого божественного открытия были мерцающие лампочки в чреве вагона. Веселенькие огоньки принесли Рождественское настроение, и захотелось петь.

– Выгодно иметь, но лучше быть! – произнес крошечный динамик, примостившийся в верхней консоли приборной доски. Подумать только, громкоговоритель распустил корни повсюду, но, как и в другие разы, непонятно, что за мысль пытался донести этот рупор.

– Кем быть? – машинально поинтересовался я, но ответом было мерное потрескивание предохранителей.

Желудок и остальные внутренние органы этого спецсооружения на вид казались необычайно сложными. Будь я знатоком прогрессивной инженерии и электротехники, даже и тогда ум за разум заскочил бы. Опрометчиво посылать людей моего калибра разбираться с гиперсложной техникой.

Мой электрический факел выхватил из тьмы несколько труб, прикрепленных друг к дружке в ряд, ими я и решил заняться!

Но трубы не нуждались ни в чистке, ни в прозвонке. Идеальная конструкция, с какой стороны ни посмотри: ни одна из труб не похожа на инженерную конструкцию, и все вместе они напоминают кровеносные сосуды. Двоятся как попало, расщепляются на более мелкие, и для работы с такой арматурой требуется детальная карта.

– Кар-кар! – доносилось снаружи.

«Откуда в джунглях вороны? Все же это странно, – застряло у меня в голове. – В царстве непроходимых лиан все имеет значение, значит, и вороны к месту, но слишком уж громко орут ночью. Какой величины должны они быть?»

Я вел фонариком вдоль ответвления, нити которого уходили в консоль. Тут пруд пруди незнакомых мне терминов, взять хоть этот – «гипофиз». Понятия не имею, что за зверь...

За железной стеной опять каркали. На задворках ума шевелилось, что объем работы гигантский, что охранник теперь появляется утром и вечером, все стало сложнее и потеряло определенность, и сроки выдержать нереально.

Раздался скрежет железа по железу прямо у меня за спиной, как если бы по ангарной двери полоснул увесистый экскаваторный ковш.

«Да кто же тут такой исполинский?!»

В воображении мгновенно нарисовалась гигантская ворона со стальным клювом, и это скрежещащее приветствие предназначалось мне. Если такие жесты – это ежедневный ритуал, то вагончик скоро сложится внутрь.

Злобные звуки утихли, и начались щелчки и бульканье внутренностей моего убежища, лампочки мигали и навевали дрему.

«И без меня все работает и будет пахать сто лет. Но вернуться в эту катакомбу придется не раз: ночевать с железноклювыми воронами – это развлечение для героев».

Под утро сонливость прошла, а выходить наружу было страшно. Тут-то я обнаружил принципиальную схему «спецоборудования». Книжечка новая, явно никем не читанная. В свете фонарика зашуршали страницы с большими массивами слов. Зная язык, я мог читать

буквы, но, как ни странно, текст не предназначался для чтения – это был язык программирования.

Правда, если не терять терпения, через полстраницы возникал понятный текст, но обрывался так же внезапно, сменяясь символами без порядка и смысла.

Машинально я стал выискивать слова разборчивого текста и нашел:

«...отвечает за:

1. Функцию ограниченности: непрерывно воссоздавать барьеры в формах ущемленной личности, обиженной личности, незащищенной личности. Результатом следует считать состояние неуверенности. В ходе суточного цикла неуверенность должна возникать в различных формах ограниченности.

2. Формы ограниченности: изначально обуславливаются положением астрономических объектов в момент рождения интеллекта и в обобщенном виде распределяются:

2.1. Первый промежуток цикла – непрерывное чувство уязвимости, вызываемое окружающим миром, инциденты в судьбе возникают для обострения мнимого, полностью сфабрикованного ощущения незащищенности. Крайняя форма – фобия одиночества, чувство заброшенности».

– Оригинальная замена гороскопа! – предположил я вслух, на что динамик отозвался:

– Судьба может быть изменена неизменной волей!

– Это правильно! – ответил я, выставив вверх указательный палец правой руки и ожидая, что, наконец, завяжется разговор. Но динамик был непреклонен, как и воля, о которой он говорил. Я скрыл свое неловкое намерение словами:

– Ну, где мы остановились? Так! Хотя зачем все читать, если мой месяц... восьмой. Итак:

«2.8. Восьмой промежуток цикла. Сомнение в приверженности собственной цели. Соотнося себя с целью, интеллект, рожденный при комбинации восьмой астрономической последовательности (8ap), понимает:

2.81 что равен в возможностях со всеми остальными;

2.82 что имеет все возможности познать цель и объединиться с целью;

2.83 что имеет с целью общий источник;

2.84 что, невзирая на вышеперечисленные знания, интеллект 8ap испытывает неуверенность в том, что достоин своей цели, что имеет с целью одно общее начало, что интеллекту 8ap предопределено слиться с целью.

2.9. Девятый промежуток цикла. Интеллект типа 9ap отчужден от настоящего времени. Отстраненность рождает страх и непонимание будущего...»

Это уже было не про меня, и я еще раз пробежался глазами по сточкам из параграфа 2.8.

Слишком сухо и замысловато все написано, надо бы для себя изложить попроще. Тишину опять прорвали удары по металлу, и я притаился, не зная, чего ждать.

– Вылезай! Если еще раз так долго будешь спать, введу тризол с кофеином.

От души отлегло, это был охранник.

– Тризол не надо! – запротестовал я, вылезая из люка. – Как я работать буду, это зелье капилляры в голове рвет, и боль адская!

– Пойдет на пользу! Ты, по-видимому, невнимательно смотрел задание. Калькуляция показывает, что тебе отводится не более четырех часов на спецобъект...

Я вскипел, и в очередной раз захотелось вбить охранника по пояс в землю. Я злился, что раньше случалось так редко, а теперь появлялось при каждом случае. Четыре часа спать, а?! Завтра – три, а потом, через неделю, с катушек слететь...

– Задания продиктованы джунглями, и ни у меня, ни тем более у тебя нет власти их изменять, я повторяю это уже в сорок седьмой раз. На пятидесятый прикреплю тебе к запястью вечную табличку.

Про себя я кипел: зачем же эта сволочь меня так выводит, ведь однажды я сорвусь!

Я ошетинился всем телом и в любую секунду был готов броситься на охранника. Прежде мои нервы не испытывали такого перегрева. Разум затянуло пеленой, и я себя уже не держал. Как вдруг, откуда ни возьмись, зазвучала флейта – это было так неожиданно! Ясный, объемный звук с чистыми обертонами, волшебный такой звук. Мне не приходилось слышать такую флейту прежде, она быстро завладела эмоциями, как факир коброй. Моя спесь сдулась, и я стоял с опущенными руками, внимал, склонив голову набок, словно хотел поймать все ноты.

Охранник крутил головой, не понимая, кто этот музыкант. Играл динамик, и скоро охранник догадался:

– Надо разобраться с появлением произвольных звуков. Давно поступают сигналы, что система оповещения потеряла контроль. С чего она вдруг флейту запустила?!

После этих слов охранник исчез, а я отметил, что волшебные звуки подействовали благотворно: злоба стала меня оставлять и сменяться безразличием. Опять рутина с утра до вечера, опять усталость, ноющая боль в плечах и пояснице. К привычному букету ощущений добавился другой сорняк – опустошенность, отсутствие веры. Я с завистью вспоминал первую зону, когда приходили сомнения, но я понимал, что они есть пар, газы, действующие на мозг.

Теперь же будто неизвестный мошенник украл у меня уверенность в себе. Я заметил, что всякий раз, прикасаясь к трубам, я на несколько пунктов опускаюсь в собственной оценке. К полудню я уже зевал и одновременно по-зверски хотел есть. Все нервы! Возможно, задание так рассчитано, что быстро уходят силы и требуется смена работы.

– В часы отдыха он развлекал себя легким чтением, смотрел фильмы, от которых бы решительно отказался во время отчета. Очень нравились пустые комедии, от них голова легчала, и фантазия позволяла невероятно шалить с прозрачными образами... – произнес громкоговоритель.

Вправду, слишком свободный текст для системы оповещения... хотя постой, он что-то про книжку говорил?! Чтобы расслабиться, я полез за брошюрой, взятой из железного вагона. Открыл наугад, наткнулся на ряд ничего не значащих остроконечных значков и только через страницу обнаружил понятное:

«...устройство позволяет преобразовывать послания других интеллектов в импульсы защиты. Длительное противостояние приводит к возникновению большего числа опасных ситуаций. Неуверенный в себе интеллект можно отучить бояться первичных раздражителей, но взамен он возьмет столько же или больше новых. Так внутри интеллекта поддерживается ощущение изменчивости, зыбкости мира в противовес нерушимой устойчивости, существующей в реальности...»

В раздумьях я крутил гайки и прочищал муфты. Работа спорилась, я быстро переходил на новый участок и не обращал внимания на животных, сколько бы их ни ходило рядом. Но те очень даже меня видели, в особенности вороны. Они были главными на участке «I» и своим поведением символизировали местный уклад жизни. Большими гроздьями вороны скапливались на ветвях и каркали, стараясь привлечь мое внимание к себе. Когда это не удавалось, одна-две, что посмелее, начинали летать над головой и чуть не смахивать кепку. Бороться с выскочками было бесполезно, у ворон было очевидное численное преимущество. К тому же, пока я никого не трогал и вежливо обходился со сферами влияний, никто не трогал меня – так здесь повелось.

Мне оставалось только покрикивать и отпускать угрозы, но это плохо помогало. В отличие от тех черных ворон, которых я знал, эти были в полтора-два раза крупнее и смысленнее. Они подмечали поступки и догадывались о мотивах. Где-то среди них, должно быть, живет тот гигантский предводитель с титановым клювом и по ночам скребет по железным стенам.

– Эй вы, крылатые-клювастые, давайте загадку решать: вот блестящий шарик, кому из вас он достанется, если его кинуть вон за те деревья?

Я махнул рукой, и все вороны посмотрели в том направлении. Поначалу я хотел показать им другой трюк, только он не приходил на ум и не хотел вспоминаться – все из-за пресловутой неуверенности.

Сказав «а», надо было продолжать, и я проделал памятный с детства фокус: запустил руку в стремительном броске вперед, а шарик незаметно скользнул назад, вниз под ноги. Четыре вороны наперегонки и с криками сорвались в сторону ложного броска. Как только они скрылись, шарик снова попал мне в руку. Снова на былой манер я швырнул его, и еще с десятков остроклювых улетели искать Эльдорадо. Несколько таких бросков – и на ветках осталось не больше пяти ворон, которые, как болельщики, сопровождали все мое представление шумным карканьем.

Путь расчищен, и я принялся за работу. Как ни странно, но до самого вечера бедные вороны разыскивали шарик, который преспокойно отдыхал в моем кармане.

«Др-ынь, др-ынь» – откуда-то издали донесся звук телефонного вызова. Я подумал, что так динамик извещает о конце рабочего дня, но когда я вернулся в вагончик и задраил люк, этот же самый звук буквально взорвал замкнутое пространство каморки. Телефон звякал из динамика, и рядом мигала кнопка. Нажав ее, я услышал радостное:

– Студент, ты? Брат родной! Отвечай, что молчишь...

Я опешил. Это был голос Мая, сто процентов, его.

Глава 15

– Это я! А ты откуда взялся?

– На периферии, как обычно.

– Постой, так сюда можно позвонить?

– Как видишь! Я подсчитал, что ты должен быть в Семизонье и где-то в «I». Дал охраннику взятку, и он сказал номер, вот теперь наговоримся!

Меня охватила радость, я не помнил такого восторга с давних-давних пор. Как мне не хватало его пояснений, его мудрости, наконец, обычного человеческого участия! Окажись сейчас у меня несметные сокровища, все отдал бы Маю. Какой он герой, что разузнал, как можно со мной поговорить!

– Ты! Надо же. Миллион раз благодарен, что не забыл! Чем занимаешься?

– Химия, как обычно. Я-то как рад, что тебе хоть какое разнообразие перепало, так что лучше ты рассказывай...

Зря он попросил, у меня язык так и чесался болтать и хвастаться. Рассказал про «D», про «Джелоси Маунтейн», но потом вдруг забеспокоился:

– Как думаешь, разговор прослушивают?

– Если и так, что плохого, нас не прерывают, помех не делают... Про слежение ты сам знаешь – всегда кто-то смотрит.

– Май, я и больше сведений накопал, но...

– Зачем сведения? Важно, что с тобой все в порядке, что третью неделю ты справляешься и научился переживать ночь. В Семизонье везде беспокойно ночью!

– Да-да, – отчего-то занервничал я, чувствуя, что первая радость ушла и внутри закрубились непонятные беспокойства, – лучше ты расскажи. Может, новый кто в периферии оказался?

Май стал понимать, что я сворачиваю свое повествование:

– Ты вообще можешь говорить? Никто рядом не мешает?

– Да кто здесь?! Я да вороны вокруг.

– Тогда ясно. Ты ведь в «I», insecurity* значит неуверенность.

– Как ты сказал? Неуверенность? Пожалуй, так. Даже в руководстве к спецоборудованию все про неуверенность написано.

– Но ты, друг сердешный, не поддавайся неуверенности. Я-то смотрю, раскисаешь на глазах. Держись!

– Ты что, совсем нет! – но сам подумал, что обычно я сразу всю душу выворачиваю, а сейчас осторожничаю. – Знаешь, – продолжил я, – сегодня я в руководстве вычитал про интеллект, который сам создает ограничения... и он поддерживает внутри себя чувство неустойчивости мира взамен нерушимой устойчивости, существующей в действительности... Это как расшифровать?

– В самое яблочко! – воскликнул Май. – Сегодня ты сам пример неуверенности, образец неустойчивости.

– Не понял?!

– Смотри, ты во власти ощущений, которые мешают тебе быть счастливым, пребывать в радости хоть сколько-нибудь, согласен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.